К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ РУССКОГО ПОЭТА СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ЕСЕНИНА (1895 — 1925)

«О Русь, взмахни крылами, поставь иную крепь!»

С. А. Есенин (1917)

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН О СЕБЕ

Родился в 1895 году, 21 сентября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константинове. С двух лет был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое здоровых неженатых сыновей, с которыми протекло прочти все мое детство. Дядья мои были парни озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла, и пустили сразу галопом. Я помню, что очумел и только крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня одежду и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?..» «Стерва» у него было ласкательное слово. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавая по озеру за подстреляными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном, всегда ходил в царапинах. За озорство меня ругала только бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, ты его не трожь, он так крепче будет!». Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал моих кучерявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь имею, какое-то неприятно чувство имею к субботе.

Так протекало мое детство. Когда же я подрос, из меня захотели сделать сельского учителя, и потому отдали в церковно-учительскую школу, окончив которую я должен был поступить в Московский учительский институт. К счастью, этого не случилось.

Стихи я начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16—17 годам. Некоторые стихи этих лет помещены в «Радунице».

Восенадцати лет я был удивлен, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли весьма радушно. Первый, кого я увидел, был Блок. Второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что впервые видел живого поэта. Городецкий свел меня в Клюевым, о котором я раньше слыхом не слыхивал. С Клюевым у нас завязалась, при всем нашем внутреннем противоречии, крепкая дружба.

В эти годы я поступил в Университет Шинявского, где пробыл всего 1,5 года, и снова уехал в деревню.

В университете познакомился с поэтами Семеновским, Наседкиным и Филипченко.

Из поэтов современников мне нравились больше всего Блок, Белый и Клюев. Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности.

В 1919 году я с рядом товарищей публиковал манифест иманижинизма. Имажинизм был формальной школой, которую мы хотели утвердить. Но эта школа не имела под собой почвы, и умерла сама собой, оставив правду за органическим образом.

От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции.

С восьми лет бабка таскала меня по различным монастырям, из-за нее у нас постоянно ютились страницы и странники. Распевались разные духовные стихи. Дед напротив. Был не дурак выпить. С его стороны устраивались различные невенчанные свадьбы.

После, когда я ушел из деревни, мне долго пришлось разбираться в своем укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал все по своему, с крестьянским уклоном.

В смысле формального развития теперь меня тянет все больше к Пушкину.

Что касается остальных автобиографических сведений,— они в моих стихах.

Октябрь 1925 Сергей Есенин

Сергей Александрович Есенин

СТИХИ

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.
Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.
Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.
Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.
Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

НЕ ЖАЛЕЮ, НЕ ЗОВУ, НЕ ПЛАЧУ

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.
Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты все реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст

О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скупее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тленны,
Тихо льется с кленов листьев медь...
Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвесть и умереть.

ПИСЬМО МАТЕРИ

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

Пишут мне, что ты, тая тревогу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой драке
Саданул под сердце финский нож.

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.

Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,
Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.

Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.

Не буди того, что отмечталось,
Не волнуй того, что не сбылось, —
Слишком раннюю утрату и усталость
Испытать мне в жизни привелось.

И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.

Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.

АННА СНЕГИНА

(отрывок)

1

«Село, значит, наше — Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодью
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но все же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но — грозный судья — старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз — власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди — все грешные души.
У многих глаза — что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий,—
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.
На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь.
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья вожжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

* * *

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Беседа окончена...
Чинно
Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

МНЕ ОСТАЛАСЬ ОДНА ЗАБАВА

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот — и веселый свист.

Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил
Для того, чтобы ярче гореть.

Дар поэта — ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.

Пусть не сладились, пусть не сбылись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились —
Значит, ангелы жили в ней.

Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со мной,—

Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубашке
Под иконами умирать.

ОТГОВОРИЛА РОЩА ЗОЛОТАЯ

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник —
Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
О всех ушедших грезит конопляник
С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветром в даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины красной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет трава,
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный ком...
Скажите так... что роща золотая
Отговорила милым языком.

ПУСКАЙ ТЫ ВЫПИТА ДРУГИМ

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость.

О возраст осени! Он мне
Дороже юности и лета.
Ты стала нравиться вдвойне
Воображению поэта.

Я сердцем никогда не лгу,
И потому на голос чванства
Бестрепетно сказать могу,
Что я прощаюсь с хулиганством.

Пора расстаться с озорной
И непокорною отвагой.
Уж сердце напилось иной,
Кровь отрезвляющею брагой.

И мне в окошко постучал
Сентябрь багряной веткой ивы,
Чтоб я готов был и встречал
Его приход неприхотливый.

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными — кладбища и хаты.

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта.

Что я одной тебе бы мог,
Воспитываясь в постоянстве,
Пропеть о сумерках дорог
И уходящем хулиганстве.

Я ОБМАНЫВАТЬ СЕБЯ НЕ СТАНУ

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мглистом.
Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам.
Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский, озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя лечит.

Я хожу в цилиндре не для женщин.
В глупой страсти сердце жить не в силе.
В нем удобней, грусть свою уменьшив,
Золото овса давать кобыле.

Средь людей я дружбы не имею.
Я иному покорился царству.
Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший галстук.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омуть в сердце мглистом.
Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандалистом.

ВЫТКАЛСЯ НА ОЗЕРЕ АЛЫЙ СВЕТ ЗАРИ

Выткался на озере алый цвет зари.
На бору со стонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Знаю, выйдешь к вечеру за кольцо дорог,
сядем в копны свежие под осенний стог.

Зацелую допьяна, изомну, как цвет,
хмельному от радости пересуду нет.

Ты сама под ласками сбросишь шелк фаты,
унесу я пьяную до утра в кусты.

И пускай со звонами плачут глухари,
есть тоска веселая в алостях зари.

ПИСЬМО К ЖЕНЩИНЕ

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.
Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.
Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.
Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.
Земля — корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.
Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.
Тогда и я,

Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рвоту.
Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.
Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...
. . . . . .
Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!
Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную усталость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною сталось!
Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.
Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ламанша.
Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы

С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.
Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

РУСЬ УХОДЯЩАЯ

Мы многое еще не сознаем,
Питомцы ленинской победы,
И песни новые
По-старому поем,
Как нас учили бабушки и деды.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Я уходящих в грусти не виню,
Ну где же старикам
За юношами гнаться?
Они несжатой рожью на корню
Остались догнивать и осыпаться.

И я, я сам,
Не молодой, не старый,
Для времени навозом обречен.
Не потому ль кабацкий звон гитары
Мне навевает сладкий сон?

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Советскую я власть виню,
И потому я на нее в обиде,
Что юность светлую мою
В борьбе других я не увидел.

Что видел я?
Я видел только бой
Да вместо песен
Слышал канонаду.
Не потому ли с желтой головой
Я по планете бегал до упаду?

Но все ж я счастлив.
В сонме бурь
Неповторимые я вынес впечатленья.
Вихрь нарядил мою судьбу
В золототканое цветенье.

Я человек не новый!
Что скрывать?
Остался в прошлом я одной ногою,
Стремясь догнать стальную рать,
Скольжу и падаю другою.

Но есть иные люди.
Те
Еще несчастней и забытей.
Они, как отрубь в решете,
Средь непонятных им событий.

Я знаю их
И подсмотрел:
Глаза печальнее коровьих.
Средь человечьих мирных дел,
Как пруд, заплесневела кровь их.

Кто бросит камень в этот пруд?
Не троньте!
Будет запах смрада.
Они в самих себе умрут,
Истлеют падью листопада.

А есть другие люди,
Те, что верят,
Что тянут в будущее робкий взгляд.
Почесывая зад и перед,
Они о новой жизни говорят.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит оголь.
«С Советской властью жить нам по нутрю...
Теперь бы ситцу... Да гвоздей немного...»

Как мало надо этим брадачам,
Чья жизнь в сплошном

Картофеле и хлебе.
Чего же я ругаюсь по ночам
На неудачный, горький жребий?

Я тем завидую,
Кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.
А я, сгубивший молодость свою,
Воспоминаний даже не имею.

Какой скандал!
Какой большой скандал!
Я очутился в узком промежутке.
Ведь я мог дать
Не то, что дал,
Что мне давалось ради шутки.

Гитара милая,
Звени, звени!
Сыграй, цыганка, что-нибудь такое,
Чтоб я забыл отравленные дни,
Не знавшие ни ласки, ни покоя.

Я знаю, грусть не утопить в вине,
Не вылечить души
Пустыней и отколом.
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

МЫ ТЕПЕРЬ УХОДИМ ПОНЕМНОГУ...

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь!

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.

Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле...
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

ДО СВИДАНЬЯ, ДРУГ МОЙ, ДО СВИДАНЬЯ

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки, без слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

Ярослав Брагин
(г. Тула)

МНОГОЦВЕТНОСТЬ КОЛОРАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА — ВКЛАД В РАЗВИТИЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО Я ЗЫКА

«Его поэзия есть как бы разбрасывание обеими пригоршнями сокровищ его души».

А. Н. Толстой

Каждый литературный период ознаменован появлением людей, которые вносят неповторимый вклад в развитие литературы. Таковым является и Сергей Есенин — воистину поэтическое сердце России. Колдовские есенинские строки проникают до самых глубин души. Прозрачный холод, необъятная небесная ширь, голубая гладь озер, плеск волны, костер зари, малиновое поле, серебристая луна, шелест тростника — вся эта родная красота, усиленная горячей любовью к русской земле, наполняет его стихи. И читающие их вместе с поэтом окунаются в эту красоту всеми органами чувств, всей своей душою.

Однако сейчас, в эпоху развивающегося глобализма вместо людей с творческим мышлением востребованы лишь квалифицированные потребители товаров и услуг и трудовые роботы, которым вместо произведений литературы достаточно давать интернетовскую жвачку, то есть информационный шум. «Грядущий хам» (по Д. С. Мережковскому) не надвигается, он уже живет и здравствует в нашей действительности. Одним из его признаков является нынешний русский разговорный язык, насыщенный несметным количеством иностранных слов (будто у нас нет их отечественных синонимов) и напоминающий блатную феню, что прямо ведет не к его развитию вширь и вглубь, то есть к обогащению, но к самой что ни на есть лексической бедности.

Как известно, Ф. М. Достоевский главным своим вкладом в литературу считал не созданный им жанр психологического романа, не свои всемирно известные романы, повести и рассказы, а введение в литературный обиход слова «стушеваться». Отдадим должное скромности писателя. Возвращаясь же к Есенину, скажем — его неповторимая поэзия замечательна еще и своей многоцветностью, чем он внес значительный вклад в поэтическое искусство. В 1905 г. А. Блок в статье «Краски и слова» писал, что современные писатели отупели к зрительным восприятиям, а душа читателя среди абстракций и лабораторных слов загрустила и заждалась чего-то живого. Блок, ища выхода, предчувствовал и предсказывал неизбежное появление поэта, который принесет в русскую поэзию радугу, населенную существами природу со всеми ее просторами и не вычурными, но простыми и изумительными красками.

И такой поэт — один из самых выдающихся представителей лирической поэзии XX века — пришел. С. А. Есенин — певец любимой русской матери-земли, сопричастный всему, что происходит, тонко чувствующий и воспевающий ее красоту и поэтичность. Открывший книгу его стихов сразу поймет, что такое Поэзия, ибо это сти-

хи великого Мастера этого вида искусства. Еще первые его читатели почувствовали, как со страниц на них повеяло самобытностью и свежим воздухом, и были поражены яркой многоцветной палитрой стихотворений. Как говорил И. Сельвинский (цитируем не дословно, потому не ставим кавычек), такого глаза наша поэзия еще не знала. Образы в его стихах живописны, акварельны. Между строк слышен шелест листьев и шепот дождя, завораживающее пение птиц и пьянящие запахи леса, вся красота и животворящая сила природы, с которой поэт тесно общался с самых ранних лет. Всю сложность жизни, человеческих судеб, собственную душу он постигал через образы родной земли, где родился и рос. В этом особенность его художественного восприятия, мышления и литературной передачи образов. Поэтому, в том числе, стихи Есенина даже искушенным ценителям представляются феноменом, загадочным явлением. В пришествии Есенина в русскую поэзию, в ту разнообразную пору, богатую на различные явления, есть что-то от чуда. Ведь он пришел из российских глубин, где уже почти полвека была безответная тишина и где раньше, как писал еще Гоголь, с незапамятных веков бил «в груди народа» самородный фольклорный ключ. И уже через несколько лет Есенин, мастер, реформировавший стих,— властитель душ, стихи которого наизусть читает вся Россия. Только Божий талант в сочетании с любовью к жизни, волевым стремлением к совершенству и высочайшей самодисциплиной могли дать такой результат в такое короткое время. Лирика Есенина, в отличие от тютчевской «веры», лермонтовской «странной любви», страсти-ненависти Блока, пронизана непередаваемым «чувством родины». Потому невозможно из всех стихотворений выделить в особый раздел стихи о России, так как они все о ней.

Картина в словах, создаваемая поэтом, отражает не только видимую им внешнюю реальность, но и внутреннюю — состояние его сердца. Из теории немецкого ученого Лео Вайсгербера следует, что «модель (или картина) мира» есть отражение всей совокупности представлений человека. «Мир», картина которого описывается, есть одновременно взаимодействие среды и человека и итог переработки всей информации о самом человеке и среде, в которой он живет и проявляется. Неотъемлемой чертой «модели мира» является совмещение в виде неразрывного единства диахронического и синхронического планов — соответственно, как бы рассказа о прошлом и объяснения настоящего, а иногда даже будущего. Это понятие распространяется и на другие уровни бытия, утверждая тождество человека и природы, микро- и макрокосмоса. Отсюда вытекает также антропоморфное моделирование, начиная с человеческого жилища и кончая Землей и космическим пространством. Организация пространства и времени отсюда связана с сакральными «центром мира», «священными местами», «священными днями» и «святынями». В поэтико-мифическом сознании вырабатывается двоичная, противопоставительная система признаков, как средство описания семантики «картины мира»: мужской — женский, старший — младший, жизнь — смерть, счастье — несчастье, небо — земля, земля — подземное царство, верх — низ, день — ночь, зима — весна, вода — огонь, белый — черный и т.д. Но кроме полюсных признаков, есть также промежуточные, которые проявляются в том числе через цветовую гамму.

Символике цвета с незапамятных времен люди придавали особое значение. «Языком» красок говорят древние мифы, народные легенды и сказки, религиозные и мистические учения. По цветовым предпочтениям: на какой цвет мы обращаем внимание в тот или иной момент времени, какого цвета одежду любим носить, каким цветом хотим окружить себя в быту, можно изучить характер, отношение к тому или иному в жизни и настроение человека. В свою очередь на цветовые предпочтения влияют культурный уровень, образование, возраст, пол, темперамент, настроение, особенности характера и другие параметры. Цвет, обладая богатым символическим и

эмоциональным потенциалом, играет огромную роль и в литературных произведениях. Многие писатели широко используют цветовую символику, цветовые эпитеты помогают более ярко отразить атмосферу произведения и образы героев, несколькими словами показать их внутренний мир. Однако цвет в произведениях искусства превращается в символ только при условии соответствующего понимания. Кроме того, каждый писатель, наряду с традиционными ассоциациями, имеет также свое индивидуальное видение символики того или иного цвета.

Искусство цветописи, черпаемое из кладезя цветовой гармонии — русской природы и являясь, одновременно, наследием устной речи, занимает важное место в поэтической образности С. Есенина. Поэтому богатство спектра есенинской палитры сравнимо лишь с красочностью природы. Сергей Есенин как истинно народный поэт, тесно связанный с миром религии, мифов, сказок и фольклора, как говорится, с молоком матери впитал всю старинную красочную гамму, которая в полной мере, через сознание и подсознание, отразилась в его поэзии. Поэт использует все окружающие его цвета: белый, синий, голубой, золотой, серебристый, красный, розовый, желтый, зеленый, коричневый, черный... Цвета в его стихотворных строчках те же, что и на фресках в русских церквях, в народных вышивках и устной народной поэзии (см. «Слове о полку Игореве» и другие), что во всей полноте описано в работе Кедрова К. А. «Образы древнерусского искусства в поэзии Сергея Есенина»). Существует глубокая символика света и цвета в русской иконописи. Так белый цвет символизирует невинность, чистоту и святость; багряный (пурпур) — величие, но имеет и еще одно значение — угрозы и огня; синий — символизирует стремление мира к Богу, Небо, тайну, откровение и мудрость; голубой цвет означает чистоту и целомудрие, а зеленый — гармонию, весну, победу жизни над смертью и вечную жизнь. О знаменитом иконописце Дионисии говорили, что он «аки дымом пишет».

Заметно, что синяя дымка полюбилась и Есенину — потому чаще всего повторяющимся в стихах стал эпитет «синий». Синий цвет по мирским представлениям означает идеализм, преданность, самоотверженность, серьезность, призывает к нахождению смысла, истины, к мудрости и вере, к духовности. Голубой — цвет мечтаний и грез, цвет мира и согласия. Голубизна обычная и светящаяся, перламутровая и глубокая, вплоть до черной сини пронизывает своим светом его творчество: «Стережет голубую Русь / Старый клен на одной ноге», «В прозрачном холоде *заголубели* долы», «В летний вечер голубой», «Иду голубою дорожкой», «Мир тебе голубая прохлада», «И звенит голубая звезда», «Летний вечер *голубой*», «*Голубизна* презримой гущи», «Май мой синий! / Июнь голубой», «Вечер синею свечкой звезду / Над дорогой моей засветил», «Только *синь* сосет глаза», «В ту же масть, что с отливом в *синь*». Темно-синий цвет говорит о депрессии, угнетении, беспокойстве, грусти, печали, отсутствии удовлетворенности: «*Синяя* вьюга», «Вечер сине-хмурый», «Синий сумрак, как стадо овец...». Есенин считает, что даже в имени «Россия» есть «божественная» *синева*: «Россия! Какое хорошее слово... И «роса», и «сила», и «*синее*» что-то!» Он уверен, синий цвет — символ разлитого вокруг «божественного», а также чего-то нежного, несказанного: «Несказанное, *синее*, нежное...» Потому эпитет синий встречается повсеместно. Возвращаясь к «Слову о полку Игореве», находим подтверждение вышесказанного в так часто встречаемом в древней поэме эпитета «синий»: «*Синяя* мгла» «*Синие* молнии» «*Синее* вино» и т. д.

В древнерусской литературе, как обычно в Древней Руси: в устном народном творчестве и народной живописи, на церковных фресках белый цвет означает Божественное присутствие, связь с Богом, со своим высшим Я, веру, спасение, справедливость, чистоту, истинность, мудрость, полноту, самоотдачу, открытость, совершенство, равенство и мир, невинность, непорочность и искренность. Используется он для

описания добрых намерений и дел: «Троицыно утро, утренний канон, / В роще по березкам белый перезвон».

В палитре поэта большую роль играет «желто-золотой» цвет или золотистый, означающий неизбежную победу, жизнеспособность, всепрощение и альтруизм: осень «*золотит* холмы», «Погаснет день, мелькнув копной златою», «Лижут сумерки *золото* солнца», «Луна под крышей, как *злат* бугор», «Где *златятся* рагожи в ряд», «Осень — рыжая кобыла — чешет гриву», «Мне снились реки *златых* долин», Отговорила роща золотая», «Я понял, что солнце у выси — / В колодезь златое ведро», «Зелень *золотистая*», «Хвойная *позолота*»... Желтый цвет может быть ржаным и овсяным. В желтых (но уже без золотистого) оттенках поэт пишет свой автопортрет: «Про волнистую рожь при луне / По кудрям ты моим догадайся», «Эти волосы взял я у ржи». Желтый цвет предстает и песочным, и соломенным, и солнечным. Там же, где речь идет о «погибшей душе», снова появляется желтый цвет: «...Обвита *желтая* дорога, / И та, чье имя берегу, / Меня прогонит от порога», «У калины за желтым прудом». Желтый цвет по народным суевериям является символом разлуки, горя.

Причем Есенин использует золотой и серебряный цвета как рамки: «В холмах зеленых табун коней / Сдувают ноздрями *златой* налет со дней» и «...С бугра / Высокого в синеющий залив / Упала смоль качающихся грив. / Дрожат их головы над тихою водой, / И ловит месяц их *серебряной* уздой» («Табун»). О золотом цвете см. выше, а серебряный означает стойкость, стремление к свободе, порядок, трудолюбие и человеческую чистоту.

Красный — означает динамичность, активность, желание жить полной жизнью, стремление к новым впечатлениям, трудолюбие, склонность к борьбе. Бережно, когда надо придать особое значение, Есенин использует малиновый цвет: «Тлеется дым, у малиновых сел», «Малиновое поле». Там, где требуется проявить женское начало, используется алый цвет, означающий чувственность, любовь к жизни и непредсказуемость: «Там, где капустные грядки / Красной водой поливает восход / Клененочек маленькой матке / Зеленое вымя сосет», «С алым соком ягоды на коже, / Нежная красивая была», «Выткался на озере алый свет зари», «И мне в окошко постучал / Сентябрь багряной веткой ивы». А еще розовый цвет, излучающий романтичность, доброту, любовь и страстность.

Зеленый цвет — наша защита, гармонизация, здоровье, уверенность в себе. В народном творчестве и на церковных фресках он означает неувядание.

У Есенина, в том числе и в поэме «Черный человек», все злое, депрессивное, темное в мире человека, разрушение, подавление, пустота, ужас, страх, смерть, сатанинское обозначается черным: «Облезлый клен / Своей верхушкой черной / Гнусавит хрипло / В небо о былом», «Вот опять этот черный / На кресло мое садится». Серые оттенки говорят о меланхолии, болезни, печали, депрессии, ограничении, дисциплине, серьезности, замкнутости. Серый цвет ассоциируется со старостью, скукой, отсутствием жизни — «Принакрытые сереньким ситцем / Этих северных бедных небес».

Можно отметить динамику цвета в произведениях поэта, он любит, когда цвет как бы течет, струится и, как на палитре у художника, цвета смешиваются. Например, желтая крапива и синяя «гуща леса», отражения которых, смешиваясь в воде, дают «зелень озер» («В том краю, где желтая крапива»). Или, например, когда цветовой сюжет движется от света в темноту: «Дымом половодье / Зализало ил. / *Желтые* поводья / Месяц уронил. / Еду на баркасе, / Тычусь в берега. / Церквами у прясел / *Рыжие* стога. / Заунылым карком / В тишину болот / *Черная* глухарка / К всенощной зовет. / Роща *синим мраком* / Кроет голытьбу...» («Дымом половодье»). Очень наглядно динамика красок видна в двух строчках поэта, нарисовавшего спокойный и красочный этюд осеннего вечера: «Закружилась листва золотая / В розоватой воде на

пруду...» Желтая, золотая осень дают ощущение не тревоги и печали, а, наоборот, кажется, что уходящее лето на память украсило растительность новым красочным убором. И эта желто-золотая листва, отражаясь в воде, делиться с прудом теплом. И пруд в ответ становится не таким, каким он бывает обычно осенью — темно зеленым и заросшим, а розовым (бледный оттенок красного, алого). Все спокойно и благополучно вокруг, все излучает нежность.

Много естественных, земляных, натуральных, красок в есенинской цветовой азбуке: волосы светло желтые, румянец ягодного оттенка, седина яблочного цвета. В своем творчестве Сергей Есенин часто использует прием, свойственный импрессионистам (художники-импрессионисты перешли от механического смешивания красок к раздельному мазку, то есть к оптическому смешению, цвета при этом стали получаться легкими, «воздушными», менее материальными, без четкого контура). Очертания стогов не ясны, они похожи за силуэты церквушек. Размытая линия, дает возможность Есенину выделить цветом главные детали — смутную желтизну ила, желтые поводья месяца, рыжие, побуревшие за зиму стога. То есть, в отличие от цветового примитивизма в произведениях некоторых писателей и поэтов, Есенин, как большой художник, использует сложное и тонкое смешение цветов и оттенков и, порой, в их динамике. С помощью словесных красок, он передает даже не эмоции, а эмоциональные оттенки, самые внутренние состояния души, различные настроения от романтической одухотворенности до депрессии. Он на деле доказал, что цвет, сочетание цветов и оттенков, и, зачастую, в их динамике, могут вызывать соответствующее движение мыслей, чувств и эмоций.

Различно «окрашены» и литературные периоды жизни поэта, соответствующие временам года. *Весенний*, дореволюционный период его творчества можно назвать синим, голубым, со всеми оттенками этого цвета, что говорит о чувстве любви и нежности: «И синь, упавшая в реку». Синий — олицетворяет покой и тишину. Голубой же очень близок по значению синему, но в нем присутствует еще и радостное чувство шири и простора. Сочетание же этих цветов создает романтический настрой: «Май мой синий! Июнь голубой!» *Летний*, революционный период: преобладание красных, розовых, огненных, солнечных, золотых красок в лирике Есенина. «Заря молитвенником красным / Пророчит благостную весть». И Русь теперь не «голубая», а «златая», объятая революционным пожаром, и вся Земля «златая». «В мужичьих яслях / Родилось пламя/ К миру всего мира!», «Зарево красных зарниц». И какое разнообразие красных оттенков: багряный, алый, розовый, рдяной!.. *Осенний период.* «Не сладились и не сбылись / Эти помыслы розовых дней». В поэзии Есенина наступает «скорбный срок»: «Золотой октябрь осыпает перстни / С коричневых рук берез...», «Срежет мудрый садовник осень / Головы моей желтый лист». Краски увядающей осени: стылые желтые и «лимонные», медные, «ржавые», «оловянные», серые, пепельные, лишь с редкими проблесками яркости, наполняют его стихи. «Судьба... перекрасила» все: и Россию, в образе которой появилась «грусти ивовая ржавь», и природу, и поэта, и лирического героя, желающего стать «...Желтым парусом, / В ту страну, куда мы плывем», но «одержимый тяжелой падучей», он «душой стал, как желтый скелет». «Мысли о старости и тлене», между прочим, пронизывают всю есенинскую лирику — «Золото увяданья...». Вот и цвета «золотой осени»: желтизна, багрянец, медленный листопад, и ясная мысль о прожитой жизни, о невозвратно утраченном времени, об уже никогда неповторимом и повышенная чувствительность говорят об ослаблении жизненных сил. И, наконец, зимний период — вторая половина 1925 года: «Снежная равнина, белая луна, / Саваном покрыта наша сторона. / И березы в белом плачут по лесам. / Кто погиб здесь? Умер? Уж не я ли сам?» Щемящее чувство смерти, постоянно ощущаемый страх, бесконечная жалость о быстром

угасании и краткосрочности жизни. Лирика Есенина в этот период не светлая, она передает все вышесказанное, говорит не о силе, как ранее, а о слабости и умирании, о «роковом», о несчастье, о пропавшей жизни о несчастной любви и измене, о коварности дружеских отношений. Эти темы являются последними в его творчестве. Есенин остро чувствовал, как некие «черные силы», все настойчивее и сильнее подступали к нему. И в стихах много оттенков темного, черного, серого: «Серая гладь», «В эту серую морозь и слизь», «Приоткинув черную чадру», «Черный Человек», «Черная гибель...».

Нельзя не заметить особого пристрастия С.А. Есенина к употреблению слов, означающих цвета и оттенки в виде существительных женкого и мужского рода: бель, синь, зелень, розовость, ржавь, хмарь, муть, смоль, темь, чернь и др. Подобное встречается и у других лириков, но Есенин применяет их особенно легко, свободно, эмоционально, широко и разнообразно.

Тамара Белицкая
(г. Тула)

МОЙ ЕСЕНИН
(К 120-летию со дня рождения поэта)

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком...

Я дочитала стихотворение до конца и замерла от красоты этих строк. Мне было 15 лет, и я впервые открыла для себя поэта Есенина. Он вошел в мою душу и поселился в ней навсегда, перевернув, изменив мое отношение к поэзии. В школе нам никогда не называли это имя. Мы читали стихи и пели песни о девушке с винтовкой в руках, о пробитом комсомольском сердце, о Сталине, который «наша слава боевая» и «нашей юности полет», о стране, «где так вольно дышит человек». Конечно, были и Пушкин, и Лермонтов, и Некрасов, но они жили давно, в той, другой жизни, которая навсегда покинула нашу землю. А Есенин — вот он, рядом, почти наш современник, и вдруг — такое:

Гой, ты Русь, моя родная
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Кто в эти годы так звонко писал о родной стороне, о бескрайних просторах русской земли? Да никто — были дела куда важнее! Но вот ветер истории растрепал эти важные дела, а «есенинская» природа, словно отлитая в бронзе, навсегда запечатлелась и в его стихах, и в нашем восприятии ее красоты:

Сыплет черемуха снегом
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
Никнут шелковые травы
Пахнет смолистой сосной.
Ой, вы, леса и дубравы,—
Я одурманен весной!

Но если бы это были только картинки природы — не было бы поэта Есенина. Главное — через его понимание и ощущения природы мы постигаем его мысли и чувства и сопрягаем со своими мыслями и чувствами:

...Лес застыл без печали и шума
Виснет темь, как платок, за сосной,
Сердце гложет плакучая дума...
Ой, не весел ты, край мой родной...

Чем глубже погружалась я в затягивающую бездну стихов Есенина, тем понятнее становилась его беспредельная любовь к Родине, «до радости, до боли». По существу, она пронизывает все его творчество, и нет особой нужды подтверждать это цитатами. И все же:

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу; «Не надо рая,
Дайте родину мою».

Я долго жила в этом «ситцево-березовом есенинском раю», и мне казалось, что именно в этом — весь поэт. Но я ошибалась. Город с его беспощадными каменными объятиями вошел в его жизнь, изменив и Есенина-человека, и темы его творчества. С годами он перестал идеализировать патриархальный уклад деревенской жизни, словно впервые увидев, поняв его беспросветность и бедность.

Полевая Россия! Довольно
Волочиться сохой по полям!
Нищету свою видеть больно
И березам и тополям...
...И внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

В это время появляются стихи «Русь беспросветная», «Русь уходящая», «Русь советская», где он уже не скорбит по прошлому, а пытается осмыслить и приобщиться к новой жизни.

Друзья! Друзья!
Какой раскол в стране,
Какая грусть в кипении веселом!
Знать, оттого так хочется и мне,
Задрав штаны,
Бежать за комсомолом.

Но это давалось ему нелегко. Уж слишком крепкими нитями он был привязан к прошлому. И он мучился от этого, нутром творца чувствуя беды и пороки времени, в котором жил:

...Не знали вы
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте,
С того и мучаюсь, что не пойму-
Куда несет нас рок событий.

Думаю, что эти мучения, эта боль надлома во многом определялись не только внешними, независящими от него обстоятельствами, но и отсутствием у него самого внутреннего стержня. В этот «развороченный бурей быт» он вошел совсем неподготовленным, наивным деревенским парнем. Отсюда его метания, стремление спрятаться от бурь то в разгульной жизни, то в мужской дружбе, то в объятиях любимых и нелюбимых женщин.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну.
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину?

Да уж! Приучила, как пригвоздила, и довела до трагического конца. Он бросился в разгульную жизнь, как в омут, теряя друзей и любимых женщин. Вот одна из них — Зинаида Райх — красивая молодая женщина, мечтающая о сцене. Есенин влюбился в нее с первого взгляда и клялся в вечной любви. Они поженились и были счастливы... три месяца! Потом начались пьяные скандалы, рукоприкладство, валяние в ногах и мольба о прощении. Родились дети (Татьяна и Константин), но это не спасло их брак.

Вы помните,
Вы все, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене.
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.
Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз...

«Из всех женщин,— сказал как-то Есенин,— я любил только двух — Райх и Дункан».

Так вот, кто была его вторая любовь — знаменитая американская балерина Айседора Дункан. Они встретились, и страсть вспыхнула между ними сразу, в первое же мгновенье. Она показалась ему ожившей статуей античной богини. Он начал читать ей стихи, а она не могла отвести взора от синевы его глаз. Не понимая слов, они хорошо понимали друг друга. Оба были талантливы, бесшабашны, эмоциональны, и их роман проходил бурно и страстно:

Пускай ты выпита другим,
Но мне осталось, мне осталось
Твоих волос стеклянный дым
И глаз осенняя усталость...

Она открыла ему мир — Европу, Америку, показала красоты Парижа. А он? Очень скоро он уже начал скучать, чувствуя себя лишним в этих каменных джунглях.

Кем он был здесь? Не первым поэтом России, а лишь скандальным мужем знаменитой танцовщицы. Позже он написал: «Америка это тот смрад, где пропадает не только искусство, но и вообще лучшие порывы человечества. Если сегодня держат курс на Америку, то я готов тогда предпочесть наше серое небо и наш пейзаж: изба немного вросла в землю, прясло, из прясла торчит огромная жердь, вдалеке машет хвостом на ветру тощая лошаденка... Это то самое, что растило у нас Толстого, Достоевского, Пушкина, Лермонтова и др.» Да, он был крепко связан с Россией, даже с той, которую уже оставил навсегда.

Его недовольство выливалось в пьяные скандалы и непреодолимое желание вырваться из крепких объятий Айседоры. Этот странный брак распался довольно скоро, и Есенин облегченно вздохнул. Любопытное мнение об этой паре высказал М. Горький:

«От кудрявого, игривого мальчика остались только очень ясные глаза, да и они будто выгорели на каком-то слишком ярком солнце. Беспокойный взгляд их скользил по лицам людей изменчиво, то вызывающе и небрежно, то вдруг неуверенно, смущенно и недовольно. Пожилая, отяжелевшая, с красным некрасивым лицом, окутанная платьем коричневого цвета, она кружилась, извивалась в тесной комнате, прижимая к груди букет измятых, увядших цветов. Эта знаменитая женщина, прославленная тысячами эстетов в Европе, тонкая ценительница пластики рядом с маленьким, как подросток, изумительным рязанским поэтом, являлась изумительнейшим олицетворением всего, что ему было НЕ НУЖНО...»

Хотя их брак и пришел к своему естественному, всеми ожидаемому концу, но толчком к тому послужила телеграмма, полученная А. Дункан в Крыму, где она ожидала приезда Есенина: «Я люблю другую. Женат, счастлив. Есенин».

О, женское коварство! Эту телеграмму послал не Есенин, а безумно влюбленная в него Галина Бениславская, к которой поэт испытывал только дружеские чувства. «Галя,— говорил он ей,— вы очень хорошая, вы самый лучший друг, но я вас не люблю». Она страдала от этих слов, но не изменяла своей любви. И не в силах пережить смерть Есенина застрелилась на его могиле.

Не хочется впадать в мистику, но жизнь этих трех женщин после смерти Есенина странным образом оборвалась внезапно и трагически...

Впрочем, довольно! Отдав дань памяти любимым и нелюбимым женщинам поэта, вернемся к нему самому.

Когда юный Есенин со стихами, завязанными в головной бабий платок, только появился в Москве, (а позже и в Петербурге) город встретил его приветливо, «с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить безмерно» (М. Горький). Все «пишущие» наперебой хотели подружиться с деревенским самородком. Да и сам он тянулся к именитым братьям по перу — познакомился с А. Блоком, Н. Гумилевым, А. Ахматовой, Б. Пильняком, В. Маяковским, М Горьким и другими. Начал писать на «городские» темы («Город», «Папиросники»), ввел в свою лирику гражданские мотивы («Кузнец», «Бельгия» «Ленин»). Но у меня всегда было ощущение неискренности этих стихов, звучавших как-то натужно и фальшиво. Он слишком близко видел оборотную сторону «революционной романтики», чтобы войти в нее сердцем. А без этого ведь нет Есенина-поэта. Когда же он обратился к эпическим темам — (поэмы «Пугачев», «Анна Снегина», «Песнь о великом походе»), то эпос (по моему мнению) — упорно сопротивлялся автору, т.к. был совсем не его стихией. Ему не хватило ни материала, ни размаха. И потому самыми выразительными строками поэм стали лирические монологи и рассуждения. Особенно ярко это проявилось в «Анне Снегиной», жанр которой он сам определил как лирико-эпический. Совершенно естественно, что лирика поглотила, вобрала в себя эпос, по-

тому, что была самой сущностью, природой поэта, данной ему Богом. И все лучшее, что он создал, окрашено именно в лирические тона — от ярко-солнечного до сумрачно-трагического.

Как-то его спросили: «Вот ты все гуляешь, когда же ты пишешь?» Он коротко ответил: «Всегда!». Ему не нужен был стол с бумагой и ручкой. Стихи слагались у него как-то вдруг, словно небесный нимб внезапно опускался на его голову, зачаровывал его и отливался в золото строчек:

Над окошком месяц. Под окошком ветер,
Облетевший тополь серебрист и светел.

Он мог сочинять стихи и в шумной компании, и на улицах города, и в тиши лесных дубрав и наедине с женщиной. Об этом свидетельствуют и воспоминания актрисы А. Миклашевской: «Мы с Сергеем много бродили по Москве, ездили за город и там подолгу гуляли. Однажды он внезапно остановился и замер. Лицо побледнело, глаза, словно провалились внутрь, губы что-то шептали. Я молча стояла, понимая, что происходит с ним. Потом он как бы очнулся, повернулся ко мне и прочел:

Ты такая ж простая, как все,
Как сто тысяч других в России.

И дальше, чего я уже не помню»...

Это не значит, конечно, что позднее он не редактировал свои стихи. Работа над ними велась кропотливо и внимательно, и он многое переделывал, доводя стих до совершенства, наполняя его звуками и красками. Его поэзия — это настоящая музыка слов, вынутая из переполненного сердца. Не случайно Дункан, слушая стихи поэта и не понимая слов, зачарованно шептала: «О! Это музыка, музыка!» Казалось бы, здесь не добавить, не убавить — сам строй поэзии Есенина распевен и не нуждается в нотных знаках. И все-таки музыка потянулась к ней, создавая новую сущность — органичный сплав слова и музыки. И по всей России зазвенели (и звенят по сей день) песни, романсы, хоровые произведения. К стихам потянулись и народные певцы и композиторы-профессионалы. Это ли не признание его истинного, совершенного таланта? Он сумел высказать то, что переполняло его сердце: «нежность грустную русской души». При жизни он мечтал о Славе, и она догнала его и обессмертила! И всегда будет жить в умах и сердцах людей гениальный русский поэт Сергей Есенин, мой Есенин.

Сергей Лебедев
(г. Тольятти)

ОДИНОЧЕСТВО ПОЭТА, ИЛИ ПИСЬМО СЕРГЕЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ЕСЕНИНУ

Эссе

Лебедев Сергей Александрович живет в городе Тольятти, по профессии химик-технолог. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» имени Н. С. Лескова. Член Российского союза профессиональных литераторов и Российского союза писателей.

Дорогой Сергей Александрович! Вот уже почти пятьдесят лет я знаю Ваши стихи, читаю и люблю их. Ваша поэзия стала мне настолько близка, что порой кажется, что стихи я слышу из Ваших уст, разговаривая с Вами, как с дорогим другом. Понимаю, слова мои сейчас звучат очень дерзко. Но так я думаю с того самого момента, когда впервые прочитал строки, написанные Вами. Ведь Вы сумели задолго до моего рождения выразить те чувства и мысли о России, о любви, о родной природе, которыми я сейчас живу. Оказалось, что душевные порывы разных поколений могут совпадать. Более того — выраженные в Ваших стихотворениях внутреннее самочувствие и мятущаяся жертвенная судьба всего русского народа актуальны и в наше время. В чистоте и откровенности Вашей лирики, в Вашей неутихающей боли за русский народ и за судьбу русского человека слышатся мне сегодняшние напевы уходящих в никуда российских деревень.

Впервые услышал я Ваш голос, когда мне было пятнадцать или шестнадцать лет. В буквальном смысле — «услышал», прочитав Ваши стихи в небольшой брошюрке, вышедшей в серии «Библиотека журнала «Огонек».

Случилось это весной 1965 года. Как раз в ту пору нахлынула на меня первая любовь. И как часто это бывает в юности, любовь — несчастная и безответная. Вот тогда-то, совершенно случайно, я и прочитал несколько Ваших стихотворений в неизвестно откуда попавшей в мои руки брошюре. И простые слова сразу вошли в мое сердце. Они точно определили состояние юноши, потерявшего всякую надежду на взаимную любовь.

Не бродить, не мять в кустах багряных
Лебеду, и не искать следа,
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

Я несколько раз прочел именно эту строфу. И почувствовал, что Ваши стихи с невероятной точностью отражают и мои переживания. Так Ваша поэзия, поэзия Сергея Есенина, вошла в мою жизнь, навсегда став частью и моей судьбы.

Будучи человеком простым и не очень образованным, я не пытаюсь в очередной раз исследовать Ваше творчество. Ведь чтобы понимать Вашу поэзию не нужно

высшего литературного образования, а нужно иметь открытое чужим радостям и горестям сердце.

И я надеюсь, что мои мысли, возникшие при чтении Ваших стихов, воспоминаний о Вас, литературных статей о Вашем творчестве, Вашей переписки, помогут лучше понять таким же простым людям, как и я, причины трагедии великого русского поэта Сергея Есенина.

Для меня самым важным является личное восприятие литературных произведений, поэтому я никогда не читал заранее статьи с научно-литературным анализом Вашего творчества. Конечно же, это вовсе не пренебрежение другим мнением. Мне всегда важно узнать — ошибаюсь я или нет в своем восприятии Вашей поэзии. Вот и сопоставляю свое мнение с выводами того или иного литературоведа. Чужая точка зрения иногда преждевременно сбивает фокус собственного видения и мнения о прочитанном стихотворении. Читая Ваши стихи, я узнавал Вас. Узнавал о Вашем отношении к жизни. О женщинах, которых Вы любили, о женщинах, которых Вы не любили. О трепетном отношении к «братьям нашим меньшим». О том, как Вы приняли бурные революционные перемены в России. Особенно меня заинтересовало отношение к Вашей поэзии литературной аристократии Серебряного века. И я понял, что настрой литературной богемы и был причиной Ваших срывов «знаменитого скандалиста», когда Вы начинали «во всем дурака валять».

Потрясли меня и подробности Вашей трагической смерти. Я с болью понял, что она стала закономерным финалом десяти лет напряженного творчества, на фоне безоглядной, разгульной, мятущейся жизни.

Читая о Вас, я всегда представлял, что нахожусь рядом с Вами, испытывая при этом боль от чудовищных событий и срывов в Вашей судьбе. А с Вашими стихами впитывал любовь к широте русских полей, к мудрости рощ и дубрав, к чистоте и звучанию среднерусских рек.

И душа моя — поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.

И я как будто вместе с Вами впервые приехал в Петроград. И присутствовал на Вашей первой встрече с литературной элитой на одном из «воскресений» Зинаиды Гиппиус. Она не знала, «кто привел Есенина, может быть, его просто прислал Блок (он часто это делал). Во всяком случае, это было очень скоро после первого въезда Есенина в роковой для него Петербург: через день-два, не больше».

Зинаида Николаевна забыла число того дня. А впервые Вы посетили ее салон в воскресенье 15 марта 1915 года, в Петроград же приехали 9 марта. Но все-таки Вы оставили в ее памяти след, хотя между вами навсегда осталась пропасть, которую они с Дмитрием Мережковским поставили между собой и поэтом «от земли».

Вот каким «деревенским мужичком» она запомнила Вас. «Ему лет 18. Крепкий, среднего роста. Сидит за стаканом чая немножко по-мужицки, сутулясь: лицо обыкновенное, скорее, приятное; низколобый, нос с «пипочкой», а монгольские глаза чуть косят. Волосы светлые, подстрижены по-деревенски, да и одет он еще в свой дорожный костюм: синяя косоворотка, не пиджак — а «спинжак», высокие сапоги».

Я понимаю Ваше тревожное состояние в тот день. Перешагнув порог заветного для Вас дома маститых литераторов, Вы думали, что своими стихами покорите Петроград. Но в литературных салонах столицы Ваши стихи воспринимались, как лубочные картинки деревенских улиц с избами, крытыми соломой. От Ваших стихов литературной богеме Петербурга чудился запах прокисшего кваса, «драчен» и навоза.

Пахнет рыхлыми драченами,
У порога в дежке квас,
Над печурками точеными
Тараканы лезут в паз.

Видя скучающие лица, Вы свели свое чтение стихов к распеванию во весь голос деревенских охальных частушек. «И надо сказать — это было хорошо. Удивительно шли — и распевность, и подчас нелепые, а то и нелепоохальные слова — к этому парню в «спинжаке», что стоял перед нами, в углу, под целой стеной книг в темных переплетах. Книги-то, положим, остались ему и частушкам — чужими; но частушки, со своей какой-то и безмерной — и короткой, грубой удалью, и орущий их парень в кубовой рубахе, решительно слились в одно».

Но напрасно Зинаида Николаевна думала, что Ваши частушки — это и есть Сергей Есенин. Да и в Вашей удали она почему-то разглядела только бессилие. Тогда уже Вы поняли, что трудно будет доказать свою принадлежность к литературе русской. Но года через три, смеясь, рассказывали об этой встрече Анатолию Мариенгофу. «...Шибко у нас дурачков любят... Каждому надо доставить свое удовольствие. Знаешь, как я на Парнас восходил? Тут, брат, дело надо вести хитро. Пусть, думаю, каждый считает: я его в русскую литературу ввел. Им приятно, а мне наплевать. Городецкий ввел? Ввел. Сологуб с Чеботаревской ввели? Ввели. Одним словом и Мережковский с Гиппиусихой, и Блок, и Рюрик Ивнев... ...знаешь, и сапог-то я никогда в жизни таких рыжих не носил, и поддевки такой задрипанной, в какой перед ними предстал».

Я понимаю, что для Вас скоморошный вид, в котором Вы появились перед петроградской богемой, ничего не значил. Важным для Вас было завоевать Парнас, чтобы почувствовать свою причастность к великой русской поэзии. Тогда-то обострившиеся в Вашем характере излишняя ранимость и мнительность стали не лучшими спутниками всей оставшейся жизни. Они-то и привели Вас к одному из роковых состояний души. И Вы почувствовали свое одиночество, одиночество в толпе людей. Здесь я позволю себе привести воспоминание А. К. Вронского. Правда, этот случай произошел значительно позднее Вашего появления в Петрограде. Это произошло через восемь лет после Вашего «входа» в салон Зинаиды Гиппиус.

«На Загородной даче, опившийся, он сначала долго скандалил и ругался. Его удалили в отдельную комнату. Я вошел и увидел: он сидел на кровати и рыдал. Все лицо было залито слезами. Он комкал мокрый платок.

— У меня ничего не осталось. Мне страшно. Нет ни друзей, ни близких. Я никого и ничего не люблю, остались одни лишь стихи».

А в 1915 году, встретившись с литературной аристократией Петрограда, Вы — деревенский парень — поняли, что без адского труда невозможно будет приблизиться к поэтическому Парнасу России. И началось десятилетие беспрестанного поэтического напряженного труда. На износ. И если бы только поэтического труда...

Ведь что греха таить? Не приняла Вас поэтическая аристократия. И, поняв это, и возненавидев ее, решили Вы доказать, что все равно будете впереди!

И темнели Ваши синие глаза, когда вспоминались петербургские дни пятнадцатого года. Наливались глаза Ваши обидой и веселой злостью. «Таскали меня недели три по салонам — похабные частушки распевать под тальянку. Для виду спервоначалу стишки попросят. Прочту два-три — в кулак прячут позевотину, а вот похабщину хоть всю ночь зажаривай... Ух, и ненавижу я всех этих Сологубов с Гиппиусихами!».

До конца жизни Вы не простили им первый частушечный балаган. Ведь Ваш поэтический дар был основан и на очень высокой самооценке. Она-то и сослужила Вам

плохую службу, когда Вы почувствовали, что Вас не понимает, а потому и не принимает аристократия русской литературы. И Вы начинали буйствовать, метаться и пьянствовать. При этом громогласно провозглашая:

Не устрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей,—
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Вот и напророчили случившееся через семь лет...

Ваша встреча с Ильей Ефимовичем Репиным тоже не была для Вас полезной. К нему Вы пришли, как и к Зинаиде Гиппиус, не в костюме. Внешность Ваша «...была несколько театральная, балетная крестьянская косоворотка, с частым пастушьим гребнем на кушаке, бархатные шаровары при тонких шевровых сапожках. Сходство Есенина с кустарной игрушкой произвело на присутствующих неуместно-маскарадное впечатление, и после чтения стихов аплодисментов не последовало.

...Гости Репина в большинстве остались холодны, и сам хозяин дома не выразил большого удовольствия: — Бог его знает,— сказал Репин суховато,— может быть, и хорошо, но я чего-то не усвоил: сложно, молодой человек!» В воспоминаниях не написано о стихах, которые Вы ему читали, но мне почему-то кажется, что звучали вот эти строки:

Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарежу
Под осенний свист.
Хотя может быть, и вот это:
Стухнут звезды, стухнет месяц,
Стихнет песня соловья,
В чернобылье перелесиц
С кистенем засяду я.

Кондовые устои российской, в большинстве своем дворянской, литературы ревниво охранялись образованной знатью. Слов, сказанных И. А. Буниным, Вы уже не услышали, поэтому позволю себе небольшие свободные комментарии после них.

«Второе тысячелетие идет нашей культуре. Был у нас Киев, Новгород, Псков, Москва, Петербург, было изумительное зодчество и иконописное искусство, было «Слово о Полку Игореве», был Петр Первый и Александр Второй, мы на весь свет прославились нашей музыкой, литературой, в которой был Ломоносов, Державин, Кольцов, Пушкин, Толстой... Но нет, нам еще мало, все не то, не то! Нам еще подавай «самородков», вшивых русых кудрей и дикарских рыданий от нежности. Это ли не сумасшествие, это ли не последнее непотребство по отношению к самому себе? Вот в Москве было нанесено тягчайшее оскорбление памяти Пушкина (вокруг его памятника обнесли тело Есенина, то есть оскорбление всей русской культуре). А как отнеслась к этому русская эмиграция? Отнеслась, как к делу должному, оскорбления никакого не усмотрела. Большинство пошло гораздо дальше: стало лить горчайшие слезы по «безвременно погибшей белой березке», в которую превратило оно Есенина, произведя этого маляра (правда, от природы весьма способного) чуть не в великого художника и убедив себя (в который уже раз?), что Есенин и есть подлинная соль русской земли, самый что ни на есть основной русский дух».

Иван Алексеевич скрепя сердце не отрицает Ваших «поэтических способностей» и сознает, что большинство русской эмиграции понимало и принимало Вашу поэзию. И только.

Но, пожалуй, самое главное в том, что Иван Алексеевич Бунин всей своей сутью ненавидел большевизм, а он знал, что Вы писали стихотворения о Ленине, о советской Руси. Этим он и отождествлял Вас с большевиками. Он не расслышал в Вашей поэзии голос русского человека, всей душой болеющего за судьбу Родины. Революция, так же как и Вы, были непонятны Ивану Алексеевичу, может от того и ненавистны.

Осмелюсь предположить, что Иван Алексеевич мог и позавидовать Вашему таланту и Вашей популярности у русских людей, как в своем отечестве, так и в эмиграции.

А ведь он так же, как и Вы, искренно любил Россию и, наверное, понял бы Вас, если бы Вы откликнулись на его слова такими стихами:

Потому и на веки не скрою,
Что любить не отдельно, не врозь —
Нам одною любовью с тобою
Эту родину привелось.

Хотя может быть, Вы ответили бы ему и по-другому:

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык,—
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Но Иван Алексеевич так до конца своих дней не изменил собственного отношения к Вашей поэзии. И, через четверть века после трагического события в ленинградской гостинице «Англетер», он снова повторит: «...то, что вся «советская Русь» читала и пела Есенина, для меня еще не доказательство его поэтической ценности». И дальше. «Он (Есенин — авт.) вообще не стеснялся во лжи, в актерстве на каждом шагу, всячески — то воспевал Ленина, слава которого «шумит, как ветр, по краю» и новую (ленинскую) эру, которая, по словам Есенина, была «не фунт изюма вам», то рыдая через некоторое время после того, что его деревянный мир «затих и присел, и в снежную выбель испуганно заметалась звенящая жуть».

На дворе двадцать первый век. Передо мною на столе компьютер. Но я пишу Вам письмо по старинке, на бумаге. Многое я передумал, читая различные версии о Вашей гибели. Но смысл их не изменил моего отношения к Вашей поэзии. Ни злобные выкрики, ни змеиные шипения, ни состряпанные версии Вашей гибели не поколебали моей любви к Вашей поэзии.

Настроение, с которым Вы ворвались в литературную богему Петрограда, во многом определило и Вашу поэтическую стезю, и Вашу жизнь. И Вы на полном скаку понеслись дальше и дальше. Ваши душевные струны натягивались все напряженнее, звучали звонче и звонче. Жизнь закрутила и завертела, голова удалая закружилась. А тут еще и революция, в пламени которой Вы метались, не зная, «куда несет нас рок событий». Тем более что в наступившей новой жизни Вы осознанно почувствовали «эпоху умерщвления личности». Ведь это Ваши слова, написанные в конце 1920 года: «Мне очень грустно сейчас, что история переживает тяжелую эпоху умерщвления личности как живого, ведь идет совершенно не тот социализм, о котором я думал, а определенный и нарочитый... без славы и мечтаний. Тесно в нем жи-

вому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений».

И когда я читал пьесу «Страна негодяев», то понимал Ваше недовольство всем происходящим в стране. А проще — тем, что творили большевики. Они сами говорили об этом, не стесняясь, устами Чекистова:

Жили весь век свой нищими
И строили храмы божии...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.

Во всех словах, которые в пьесе произносит Номах, мне слышится Ваш голос:

Со мною несчастья всегда.
Мне нравятся жулики и воры.

А я — гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!

Я потерял равновесие...

Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Ваше равенство — обман и ложь.

Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.

Мне только осталось —
Озорничать и хулиганить...

Я верил, я горел,
Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта и не сон,
Что все во единое море сольются,
Все сонмы народов,
И рас, и племен.

И Ваши личные переживания, мнительность, колебания настроения, к сожалению, перемешались с неудержимым пьянством. «Осыпает мозги алкоголь» — эти слова из песни не выкинешь. И алкоголизм, как это ни горько признать — наиболее вероятная причина Вашего самоубийства. Страшно читать об этом в «Романе без вранья» А. Мариенгофа: «Когда в последнее время говорили: «Есенин пьет», слова звучали как стук костыля».

«В красном тумане особого, русского пьянства, он пишет, он орет, он женится на «знаменитой» иностранке, старой Дункан, буйствует в Париже, буйствует в Америке. Везде тот же туман и такое же буйство, с обязательным боем,— кто под руку попадет».

После расставания с Айседорой Дункан Вы уезжаете на Кавказ. Но путешествия

Вас не излечили. Ведь человек повсюду водит за собой самого себя. Вы это, конечно, поняли, почувствовав усталость и невозможность писать так же легко, как это было в прежние годы. И от напряжения стали рваться Ваши душевные струны, пропала чистота поэтического голоса. Десять лет напряженного труда с неудержимой жаждой все успеть в жизни истощали поэтический дар.

И если бы только напряженный поэтический труд стал причиной психологического истощения Вашего организма. Ваша совесть неспокойна от происходящего с Россией, Вы понимали — какие еще трагические события предстоит ей пережить. Власть направила все свои силы на подчинение одаренных художников себе. Критики и редакторы «больше ценят линию поведения, чем искусство». «Душу не заковать и глотку не заткнуть» — вот основной лозунг Вашей поэзии того времени. Все попытки приручить Вас оканчивались неудачами.

Наверно, в первую очередь, в трагичности судьбы Поэта и кроется секрет притягательности Вашей поэзии. Поэзии боли и неудовлетворенности, которые выдавали Ваши чувства навзрыд. Они не молчат, а испытывают мучения. Сердце Ваше обливается кровью от несправедливости, от боли за судьбу России. Ваша Поэзия проникает в самую суть и глубину жизни — в душу читателя, она требует справедливости, ищет выход из дебрей злобы и отчаяния, взывает о любви к человеку.

Наверно, поэтому Ваша поэзия вызывала и другие чувства, становилась объектом споров и безжалостной критики. Всего лишь несколько высказываний знаменитых людей приведу я, чтобы проиллюстрировать сказанное. Конечно, каждый имеет право на ошибку в своих суждениях, но жизнь всегда распоряжается по-своему. И она, и только она — серьезный и беспристрастный оценщик наших дел и поступков.

«У Есенина много плохих стихов и почти нет совершенных. Но (если исключить фальшивую и ненастоящую «Инонию» и примыкающий к ней цикл) во всех его стихах есть особое очарование, какая-то особая трогательность, которая так влечет к нему и заставляет так человечески его любить. Кроме той тоски, за которую русский человек все прощает, в Есенине был еще какой-то огромный запас человеческой нежности. Все помнят его Жеребенка и его Собаку. Это не «стихийные», не «настоящие», а совершенно очеловеченные животные. Ни у одного русского поэта я не знал таких трогательных человеческих стихов».

Эти слова принадлежат Д. П. Святополк-Мирскому, автору «Истории русской литературы», изданной в 1927 году. На Ваше творчество он обратил внимание в начале двадцатых годов. Серьезно исследуя Ваши стихи с точки зрения литературоведа, Дмитрий Петрович сострадает поэту и понимает поэзию. Он, как никто другой в то время, объяснил всего в нескольких словах причину народной любви к Вашим стихам. И я чувствую истину и правильность его суждения: «Любовь к Есенину замешана на жалости и сострадании, на полном понимании и сочувствии. Его любят нежней и ласковей, более по-человечески, чем обыкновенно любят поэтов,— слишком божественных для человечного к ним отношения». И еще: «Не любить Есенина для русского читателя теперь — признак или слепоты, или, если он зряч,— какой-то, несомненно, моральной дефективности».

Мне остается лишь согласиться с этим признанием — Вы наш, обыкновенный человек. Поэт, взявший на себя тоску своего поколения.

А вот и «знаменитые» злые слова. «...Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки в целом есенинщина — это отвратительная, напудренная и нагло раскрашенная российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами и оттого еще более гнусная. Причудливая смесь из «кобелей», икон, «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господа бога, некрофилии, обильных пьяных слез и «трагической» пьяной икоты; религии и хулиганства, «любви» к животным и

варварского отношения к человеку, в особенности к женщине; бессильных потуг на «широкий размах» (в очень узких четырех стенах ординарного кабака), распущенности, поднятой до «принципиальной» высоты, и т.д.; все это под колпаком юродствующего quasi-народного национализма — вот что такое есенинщина».

Свой фельетон «Злые заметки» Н. И. Бухарин опубликовал в январе 1927 года, затем несколько раз переиздавал в различных журналах. Разве может здравомыслящий человек согласиться с теми убийственными характеристиками, которые Н. И. Бухарин повесил на Вас и Вашу поэзию? Для меня читать это и больно, и непонятно. Начатая им борьба с «есенинщиной» привела к тому, что в течение тридцати лет Ваши стихи и литература о Вас почти не издавались.

«Поэт тогда говорил: «Искусство вдохновляет жизнь, оно не может раствориться в жизни». Конечно, он, Есенин, писал похабные стихи на стенах Страстного монастыря, но это — озорство, а не программа». Сказавший эти слова советский писатель И. Г. Эренбург, несмотря на ваши с ним различные воззрения на исторические судьбы Руси и революции, объективен в оценке Вашего творчества. Илья Григорьевич понимал, что Вы захлебнулись в разгуле, раздоре, любви и горе. Что Ваша поэзия — это не быт деревни и даже не Россия, а «любовь и Глагол». И считал он Вас настоящим Поэтом:

Засосал меня песенный плен,
Обречен я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Жизнь определила значение Вашей поэзии всего-то двумя словами — любовь народная! Конечно, мое мнение не оригинально, оно всего лишь отражает воззрение миллионов людей в России и за ее пределами. Ведь Ваши стихи переведены на более чем сто иностранных языков.

Я не сентиментален, но сейчас наворачиваются слезы, и грусть обволакивает, как тяжелый сырой туман, когда я читаю о последних днях Вашей жизни. Скорее всего, решение пришло к Вам не вдруг, и Вы окончательно увидели для себя последний выход из состояния, к которому привела напряженная творческая жизнь. Невозможным оказалось длительное существование в обществе людей для поэта с обнаженным сердцем, с ранимо-тонкой душой. Ведь еще задолго до этого писали Вы в одном из писем Николаю Клюеву: «Душа моя устала и смущена от самого себя и происходящего. Нет тех знаков, которыми бы можно было передать все, чем мыслю и отчего болею».

«— К кому? — К Есенину. Дежурный врач выписывает мне пропуск. Поднимаюсь по молчаливой, выстланной коврами лестнице. Большая комната. Стены окрашены мягкой, теплой краской. С потолка светится синенький глазок электрической лампочки. Есенин сидит на кровати, обхватив колени... Узкая кровать с серым одеяльцем. Теплые стены. И почти спокойные брови, рот. Есенин говорит: — Мне здесь хорошо... только немного раздражает, что день и ночь горит синенькая лампочка... знаешь, заворачиваюсь по уши в одеяло... лезу головой под подушку... и еще — не позволяют закрывать дверь... все боятся. Что покончу самоубийством».

«Потом писали, что в санатории Есенин поправился и чувствовал себя хорошо. Не верю! Нужно быть нечутким, чтобы не видеть того трагического надлома, который сквозил в каждом жесте Сергея. Нет, санаторий не принес ему большой пользы! И это подтвердилось через несколько дней.

Ко мне пришел домой врач А. Я. Аронсон. Он был взволнован, озабочен, но говорил, осторожно подбирая слова. За эти дни он обошел все места, где, по мнению родст-

венников, друзей и знакомых Есенина, мог он находиться... Есенин ушел из санатория клиники самовольно, а это может привести к большой беде. Я спросил, чем, собственно, болен Сергей. Доктор объяснил: что профессор Ганнушкин поставил точный, проверенный на больном диагноз: Есенин страдает ярко выраженной меланхолией.

Впоследствии я узнал, что в переводе с греческого это слово значит — «черная желчь», которой древнегреческие врачи объясняли возникновение этой болезни. Меланхолия — психическое расстройство, которому сопутствует постоянное тоскливое настроение. Поэтому любые размышления больного протекают как бы окрашенными в черный цвет. (Может, отсюда и появление «Черного человека»? авт.) Очень часто появляются бредовые идеи, особенно касающиеся самообвинения в поступках, о которых другой человек и не вспоминает. Но самое опасное это то, что меланхоликов типа Есенина мучает навязчивая мысль о самоубийстве. Естественно, все это усиливается во время одиночества».

А одиночество было постоянным спутником на протяжении всей Вашей жизни. Вот и опутали Вас приходящие на ум разные-разные уничтожающие душу мысли.

Сейчас мне вспомнились Ваши строки, которые в далекие двадцатые годы были написаны желтой краской на стене кафе «Стойло Пегаса» в Москве.

Стена была выкрашена ультрамариновой краской, а по ней художником набросаны портреты имажинистов. Между двух зеркал контуром выведено Ваше лицо с золотистым пухом волос, а под ним стихи:

Срежет мудрый садовник осень
Головы моей желтый лист.

Несозвучность Вашей поэзии с советской жизнью, утвердившейся большевиками после революции, породили в наши дни целую череду разбирательств и публикаций с различными версиями о причинах Вашей смерти. Я сразу оговорюсь, что придерживаюсь официально озвученной причины Вашего ухода из жизни. Но не отмахиваюсь в силу своего воспитания от доводов сторонников и другой версии — причастности к этому событию ОГПУ. Хотя доводы в основном основываются на суждениях о некачественном оформлении милицейских документов. Подробно разбирается и анализируется: непрофессионализм милиционера, оформившего акт о случившемся; недостаточный сбор сведений от свидетелей; упущения при фотографировании; отсутствие доктора при осмотре места происшествия.

Всегда делается упор на то, что Вас постоянно окружали друзья-чекисты. Подтверждает это и Николай Авдиевич Оцуп — поэт и прозаик, до 1922 года живший в России.

«Сам Есенин, красный от вина и вдохновения, кричит с эстрады:

Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом своих зубов.

В публике слышен ропот. Кто-то свистит. Есенин сжимает кулаки.

— Кто посмел? В морду, морду разобью.

— Читай, Сережа, не обращай внимания.

Есенин не унимается. В публику протискивается молодой человек из свиты Есенина. Все знают, что он — чекист.

— Эй, вы,— кричит он звонким голосом,— если кто посмеет еще раз пикнуть...

Чекист не договаривает своей угрозы, да этого и не нужно — воцаряется молчание: Есенин продолжает читать...

...мой спутник... наклоняется к уху нашего провожатого эстета-москвича:

— Неужели никто не может удержать его от пьянства и от всего этого... Ведь он погибнет.

Москвич улыбаясь, отвечает:

— Бросьте, сойдет, гениальному Сереже ничто не повредит.

Я слышал уже не раз этот классический ответ, ставший роковым для Есенина».

А дальше Н. А. Оцуп вспоминает, что через некоторое время встретил Вас в том же кафе, Вы были «трезвы, просты, скромны и тихи».

А у меня тут же возникла мысль об очередной роли участия ОГПУ в Вашей судьбе. Может, чекисты специально окружали Вас всюду, чтобы постепенно спаивать неугодного власти поэта?

Все гипотезы и предположения разъединили есениноведов на сторонников и противников версии о Вашей насильственной смерти. Но факт умышленного убийства пока не доказан. Таков официальный ответ Генеральной прокуратуры России, которая «подтвердила обоснованность постановления народного следователя 2-го отделения милиции г. Ленинграда от 23 января 1926 года о прекращении производства дознания о причине смерти за отсутствием состава преступления». Несомненно, одно — что момент истины в любой истории может наступить только при участии живых свидетелей события, коих, к сожалению, уже никогда не будет, что и приводит к рождению только запутанных версий.

Но какой бы версии драмы, произошедшей с Вами в декабре 1925 года, ни придерживались те или иные сторонники, объединяет нас самое главное — Любовь к Вашим стихам, которые, как свет негасимой звезды, вот уже более ста лет овладевают нашими душами.

Именно поэтому на моей книжной полке стоит двухтомник Ваших избранных сочинений и еще с десяток книг, рассказывающих о судьбе и поэзии Сергея Есенина.

В одной из книг приведен такой интересный разговор, состоявшийся на московской улице:

«Есенин заводит с извозчиком литературный разговор:

— А скажи, дяденька, кого ты знаешь из поэтов?

— Пушкина.

— Это, дяденька, мертвый. А вот кого из живых знаешь?

— Из живых нема, барин. Мы живых не знаем. Мы только чугунных».

Вот она, судьба поэтов в тогдашней России. В общем-то, мало что изменилось и сейчас. Поэты есть, и замечательные. Только очень жаль, что нынешнее время таково, что читателей и любителей поэзии с каждым годом становится все меньше и меньше.

А я счастлив тем, что принадлежу к тем людям, для которых Ваше имя и Ваша поэзия являются частью жизни. Читаю и наслаждаюсь каждой строкой Вашего творчества. И с благодарностью повторю слова Д. П. Святополк-Мирского о том, что «место стихов Есенина с самыми лучшими, самыми чистыми, самыми незабвенными стихами русских поэтов».

Ваши стихи и сегодня не потеряли своей новизны и актуальности. Читаю и представляю Ваше возвращение в нынешнюю российскую деревню, к сегодняшним заброшенным избам, к заросшим бурьяном полям. Вы и сейчас бы, предчувствуя гибель «золотых бревенчатых изб», написали бы одно из лучших своих стихотворений:

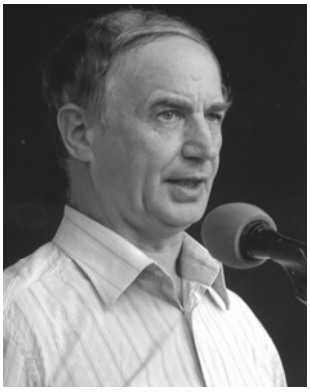
Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая

Не вольет мне в грудь мою теплынь.
Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси?
Свет луны, таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.
И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.
По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.
Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Сергей Александрович, я не знаю, как Вы отнесетесь к моим признаниям, к моему немного сумбурному, но, поверьте, искреннему письму. Ведь письма — это живое общение между людьми. И пусть я знаю, что мой адресат давно покинул нашу грешную землю, я обращаюсь к Вам, как к живому человеку. Ведь я ощущаю, как энергия Ваших стихов, продолжающих свою жизнь, оживляет и Ваше присутствие рядом со мной. Вина моя перед Вами лишь в том, что я еще раз потревожил Ваш покой, Вашу вечную жизнь, которая, я уверен, длится в сияющем ореоле Божьей истины за пределами нашего земного бытия. За это прошу извинить и строго не судить меня.

Ваш благодарный читатель Сергей Лебедев.

Валерий Савостьянов
(г. Тула)



МЕДУНИЦА
В ТОМИКЕ ЕСЕНИНА

Наш постоянный автор

ПОДАРОК

Может, просто ты была рассеянна,
Может, разлюбив — не отвечай!—
Мой подарок в томике Есенина
Возвратила вдруг и невзначай.

Мы расстались,
Ты другого выбрала,
И была другому ты мила...
Но однажды медуница выпала
И легла на зеркало стола.

И рукою, вздрогнувшей и робкою,
Я к цветку притронуться боюсь —
Будто, отраженный полировкою,
Как и он, внезапно раздвоюсь.

И опять с тобою рука об руку
В царство фей, берез и медуниц
Мы пойдем, беспечные,
По облаку
Песенных есенинских страниц.

И опять — все кончится:
Рассеянна,
Не сказав последнего «Прощай!»,
Медуницу в томике Есенина
Возвратишь ты —
Вдруг и невзначай...

НЕЗАБУДКА

Незабудка ты моя, незабудка,
Голубая меж зеленой травы, —
Отчего теперь мне кажется, будто
Не сносить мне удалой головы?

Оттого ли, что не сбился я с ритма —
Это силушка меня волокла —
И коса моя, беспечная бритва,
Ясноглазую тебя подсекла.

И почудилось, когда ты упала
Под жестокий солнцепек на траву,
Что — судьба, ты
и мы — чудная пара,
Что, коль нет тебя, — и я не живу!

Неужели никогда не воскреснем —
Быть счастливыми, друг другом дыша?..
Словно луг пустой, все кажется пресным
Без тебя, моя родная душа.

ЛАЙ

Видно, впрямь ты что-то знаешь,
Что-то чувствуешь за тьмой,
Если лаешь, лаешь, лаешь,
Верный пес мой, Шарик мой.

Кость любимую не гложешь,
Сам не спишь и нам уснуть
Не даешь. Сказать не можешь,—
Выйду — тянешься лизнуть.

Вор ли, недруг у забора
Часа ждет, что попоздней?
Но для недруга и вора
Лай и жестче, и грозней.

А в твоем тоска такая!
Будто близкий умер кто.
Лаешь, лаешь, намекая
Ты на что-то. А на что?

Что такое там, за мраком,
За туманами, во мгле,
Что известно лишь собакам,
Вам единым на земле?..

У ВОДОПОЯ

Минуя скирды, луг и поле
И отыскав знакомый брод,
Коровье стадо к водопою
Спускается
И воду пьет.

Пьет с наслажденьем, как не пило
Досель, наверно, никогда —
Был жаркий день,
И пыль слепила,
И докучали овода.

И надоедливые мухи
Жужжали в ярости слепой.
За все страдания,
За муки —
Прохладный чистый водопой!

Как хорошо,
Что кнут отбросил
Пастух, уставший торопить,
Что скоро ночь,
Что скоро осень,
Что долго-долго можно пить...

ЗАМЕЛО ДЕРЕВНЮ

Замело деревню: избы, риги,
Света нет — лишь светлячок свечи.
Вынимала бабушка ковриги,
Круглые, большие, из печи.
Протирала тряпочкою влажной,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я, внук любимый,
Важный,
Ждущий: ну когда же пировать.
Обрядили бабушку в обновы
Смертные,
Отпел ее собор —
И такого вкусного, ржаного
Не едал я хлебушка с тех пор...

Замело поселок —
Лишь церквушки
Светятся высокие кресты.
Пироги румяные и плюшки
Вынимала мама из плиты.
Смазывала маслица кусочком,
Ставила на стол их остывать.
И сидел я дорогим сыночком,
Ждущим: ну когда же пировать.
Обрядили мать.
Душа — как пустынь,
Где спьяна куражился вандал.
Пирожков тех с рисом и капустой
Я уже, конечно, не едал...

Замело Заречье и Зарядье:
Город весь — как в праздничной парче!
Вынимает милая оладьи
Из печи волшебной СВЧ.
И хоть я с утра еще не евши,
Подожду, пока им остывать,
Посижу я мужем постаревшим,
Вспоминая бабушку и мать.
И жене скажу:
«Небесной манны —
Вкус твоих оладий и блинов!»
Учит жизнь без бабушки, без мамы —
И боюсь я траурных обнов...

АХ ТЫ, ЛИПА МОЯ

Ах ты, липа моя, где ты родилась:
В этом городе — нет крон, одни стволы!
Наизусть ты знаешь — слышала не раз —
Щелк секатора и реквием пилы.

Ах ты, липа моя, страшные культи —
Это жалкие обрубки твоих грез!
Но в июне — снова будешь ты цвести:
Пчелы кружат — жаждут меда, а не слез.

Ах ты, липа, я такой же: я и сам
Ранен городом на стыке всех дорог,
Где никто не гладит нас по волосам,
Бьют нещадно — да я память уберег!

И я помню даль родимого села,
Земляков, не подрезавших дерева.
Я ушел бы...
Да знакомая пчела
Собирает мои грешные слова.

Лишь она меня не бьет по голове,
Лишь она — едва касается волос,
Говоря, что в Богом проклятой Москве —
Я один такой остался медонос!
Что стихов моих — излечивает мед!..

Но, смешная, чтобы я не убежал,
Маникюрный свой наборчик достает:
Дескать, вот он —
Жала мстительный «кинжал»!

Людмила Авдеева
(г. Москва)

ПОЭТ, СУДЬБА, РОССИЯ
(из цикла стихов к 120-летию С. А. Есенина)

Наш постоянный автор

ЕСЕНИНСКИЕ ДАЛИ

Церковным, колокольным перезвоном
Его рожденье встретила земля.
И вспыхнула на небе бирюзовом
Есенинская яркая заря.

Он голос свой вплетал в лугов раздолье,
В березовую рощу, в неба синь.
По полю проходил среди колосьев
С душою вольной из Рязани сын...
В его душе стихи рождали нежность.
Не оборвать с родной природой нить.
Так дай же Бог всех чувств его безбрежность
Понять, постичь и в сердце сохранить.

ДОМ ЕСЕНИНЫХ

Над Окой лазоревые зори.
У Оки крутые берега.
Возле речки средь берез веселых
Сохранилась старая изба.

Ставенки резные на окошках.
Деревенский в комнатах уют.
Правда не хватает серой кошки,
Да часы неправильно идут.

Кухонька. Вдоль стенки лавка. Сени
С утварью крестьянской на полу.
Кажется, войдет сейчас Есенин,
Подойдет к иконе и к столу.

Заскрипят, завеселятся перья.
Строчки на бумагу лягут в ряд.

Сколько грусти, веры и доверья
Белые листочки сохранят.

И стихи ручьем польются нежным
О полях раздольных здесь, в глуши,
Станут удивительною песней,
Частью его раненой души.

Но пустует в ожиданье место,
Где любил сидеть он у окна.
И напрасно ждет его приезда
Старая отцовская изба.

Не придет. Но в небе над Рязанью,
И по всей по матушке Руси
Голосом Сергея тихой ранью
Распевают песни соловьи.

ПОРТРЕТ ЕСЕНИНА

Тридцать лет и возраст неизменен!
Время не воротится назад.
На стене портрет. Сергей Есенин.
Волосы ржаные. Синий взгляд.
На устах печальная улыбка.
Кажется, прощается навек
С белою березою в косынке
Желтых листьев. Ветра дерзкий смех
Слышит он под сенью небосвода.
Мудростью таинственной полна
Тихая рязанская природа,
Каждая Есенина строка.

РОДСТВО ДУШИ

Когда я слышу песню под тальянку,
То сердце бьется в радости быстрей,
И, кажется, стучится спозаранку
В мое окно проснувшийся Сергей.

Копна волос на солнце золотится,
В глазах синее неба васильки.
Рушник попросит и воды напиться
И прочитает новые стихи.

Нас породнила осень золотая.
Октябрь встречал и солнцем, и дождем.
А в небесах летела птичья стая
В далекий край, оставив отчий дом.

Яков Шафран
(г. Тула)

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Член Союза писателей и переводчиков при МГО СПР, лауреат Всероссийской литературной премии им. Н. С. Лескова «Левша» (2013 г.).

Что гядишь тоскливо и устало,
Что печалишь синие глаза?
Знать душа твоя затосковала
О краях, где тишь и бирюза.

Где уже не зашумит тревожно
Молодая рощица весной,
Где не дрогнет в небе осторожно
Солнца луч вечернею зарей.

И лишь сердце жалостью зайдется —
Нелегко оставить навсегда
Эту иву, что над речкой гнется,
Эту розовую гладь пруда,

Это золото лесов осенних,
Где так тихо шепчет листопад,
Все, что ты любил, Сергей Есенин,
И любить поныне был бы рад.

Не уйти... Закутавшись тоскою
Остается только вспоминать
Этой мглистою туманною порою
О весне, которой не бывать.

И глядишь тоскливо и устало,
И печалишь синие глаза,
Знать, душа твоя затосковала
По краям, где тишь и бирюза.

Галина Лялина
(г. Донской, Тульская область)

Лялина Галина Николаевна, родилась 10 мая 1950 года в г. Донском Тульской области. Образование среднее медицинское. По специальности — медицинская сестра. Проработала по этой специальности более 30 лет. Длительное время жила с мужем на Урале, в Пермской области, где родились двое детей. В 1990 году возвратилась с семьей на малую родину, в город Донской, где проживает в настоящее время.

Стихи начала писать с 2000 года. С 2001 года состоит в Новомосковском литературном объединении (НЛО). С 2013 — член клуба Московский Парнас. Член Академии Российской литературы. Печатается во многих альманахах и журналах Москвы, Твери, Тулы и Тульской области. Лауреат Тульской областной литературной премии им. Ярослава Смелякова. Постоянный автор «Приокских зорь».

ОН ЖИВЕТ В ПОЭТИЧЕСКИХ СТРОЧКАХ

На Рязанской земле был Есенин рожден,
Где чиста и красива природа.
Достоверно известно, что выходец он
Из села. Из простого народа.
Он вдыхал запах русских лесов и полей,
Многоцветье лугов медоносных
И с восторгом внимал, когда пел соловей
И купался рассвет в травах росных.
Он любил бесконечную светлую даль
Необъятных рязанских просторов
И в душе ощущал то восторг и печаль,
То усталость в осеннюю пору.
Чтоб из сердца изгнать неуемную грусть,
Шел неспешно в лесную прохладу
И читал там березкам стихи наизусть,
Наполняясь душевной отрадой.
Воспевая природу, легко понимал
Шорох трав, ветерка дуновенье...
Как невесту, березку в лесу обнимал
И черпал в этот миг вдохновенье.
Гладил ветки и белый в зарубинках ствол,
Говорил о любви лунной ночкой...

Молодым наш Есенин из жизни ушел,
Но живет в поэтических строчках.

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Есенинские строчки о природе
Для каждого доступны и легки.
В них белые березки хороводят,
И стелются туманы у реки.
Стихи его душевны и правдивы,
Ни пафоса, ни выдумки в них нет.
В них синь-река полощет ветку ивы,
А над рекой — лазоревый рассвет.
Широкое рязанское раздолье
Есенин вспоминал в чужом краю.
Святой Руси с сыновнею любовью
Он посвящал поэзию свою.
Порой, когда в стихах исповедальных
О ней ронял он грустные слова,
Всю эту грусть смывал родник хрустальный,
Давая знать, что Русь вовек жива.
Душа Руси, воистину, нетленна,
Все это знал и чувствовал поэт.
Предвидел он, что в час благословенный
Над ней прольется негасимый свет.

РЯЗАНСКИЕ БЕРЕЗКИ

Березки рязанские помнят Есенина
И осенью поздней тоскуют о нем.
А ранней весной зашумят по-весеннему,
Стремятся ветвями в небес окоем.
Смирившись с судьбой и ее неизбежностью,
Поднявшись вдоль берега на косогор,
Зашепчутся тайно, с особою нежностью,
О друге-поэте ведя разговор.
Зашепчутся с грустью о нем, с воздыханием,
Листвою слегка задрожав на ветру.
Поэт, как к невестам, к ним шел на свидание,
Дарил лунный гребень и гладил кору.
Родную природу села Константинова
Есенин любовно в стихах воспевал.
К березкам спешил на рассвете малиновом,
За тонкую талию их обнимал.

ЕСЕНИНУ

Звенит строка поэта мелодично.
Моя душа, откликнувшись в ответ,
Взметнулась ввысь над полюшком пшеничным

В лазорево струящийся рассвет.
И в этот самый час весенней рани,
Как наяву, увидела окрест
В прозрачном бело-розовом тумане
Всю ширь и красоту рязанских мест.
И Константиново, и ряд других селений
Под шелковистой неба синевой.
А по тропинке шел Сергей Есенин
С кудрявой непокрытой головой.

Любовь Самойленко
(г. Донской Тульской области)

СЕРГЕЮ ЕСЕНИНУ

Член Российского межрегионального союза писателей, тульского литературного объединения «ПЕГАС». Автор 12 сборников стихотворений. За вклад в русскую словесность награждена дипломом за верное служение отечественной литературе. Орденским знаком «Екатерина Великая», памятной медалью «А. П. Чехов» и медалью «Ф. М. Достоевский. За красоту, гуманизм, справедливость».

* * *

Он был простым,
простым российским парнем.
Любил бродить рязанскою тропой.
И утром, открывая солнцу ставни,
Кивать рассвету светлой головой.

Любил природу,
чувствовал всем сердцем.
Писал в стихах так трепетно о ней.
Его души не закрывалась дверца,
Неслись и строки — выше и сильней.

Так много на Руси поэтов славных,
Свой край, как он, никто воспеть не мог.
В его стихах и хмель, и конь буланый,
И манящий к себе июльский стог.

Он был простым,
простым российским парнем.
Любил бродить рязанскою тропой.
И утром, открывая солнцу ставни,
Кивать рассвету светлой головой.

ЕСЕНИНСКОЙ ТРОПОЙ...

Бреду Есенинской тропой,
Шуршат сентябрьские листья.
Не понимаю, что со мной,
В вальсе хочется кружиться.

Здесь возрастал большой поэт —
Художник трепетного слова.
Постиг в свои он двадцать лет
Строки высокие основы.

О, краски осени! И мне
Они дороже с каждым годом,
Но здесь, в рязанской стороне,
Иная синь от небосвода.

Любуюсь, радуюсь, дивлюсь.
И в восхищенье льются строки.
Моя издерганная Русь,
Как дороги твои истоки!

* * *

«Вы помните, Вы все, конечно, помните,
Как я стоял, приблизившись к стене,
Взволнованно ходили Вы по комнате
И что-то резкое в лицо бросали мне»

С. Есенин

Поверьте, помню! Но забыть стараюсь.
Мне очень больно, что не вместе мы.
Я до сих пор от нежности сгораю.
Читая стих, Вас вижу у стены.

Не понимала Вас. Не разделяла
Я Ваших взглядов, Вашей маяты.
Вуалью новой шляпки прикрывалась,
В саду срывая яркие цветы.

Я не одна. С серьезным умным мужем.
Но вспоминаю часто с Вами час.
А Вы не знали! Круг общенья сужен.
Вам не понять, как я любила Вас!

ЕСЕНИНСКИЙ ПРОСТОР...

В своих стихах не проставлял он даты,
Когда слагал, когда дерзала мысль.
Из глубины простой рязанской хаты
Стихи с пера, как песня, полились.

Наполненный и русским колоритом
Родной земли, ее дубрав и гор
Раскинулся зеленым монолитом,
Непознанный — есенинский — простор.

Здесь встретишь ты и рощу золотую,
Рябин кусты и избы деревень.
И песню с бубенцами удалую,
И рыжую крапиву, и плетень...
. . . . . .

Для меня стал милей и дороже —
Этот парень, веселый такой.
В этом мире он только прохожий —
С удивительной русской строкой.

КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН — ЕСЕНИН

Крестьянский сын — Есенин
Доступно так и просто,
Вписал в строку и сени,
И васильковый остров.

И белую березу,
И алый свет зари...
Тоски щемящей слезы.
И бор, где глухари.

Поэт с укладом русским
Он славил куст багряный.
Бродил тропою узкой...
И спал в снопах овсяных.

С ДОБРЫМ УТРОМ!

«У плетня заросшая крапива
Обрядилась ярким перламутром
И, качаясь, шепчет шаловливо:
«С добрым утром!»

С. Есенин

«С добрым утром!»
Мне шептало лето,
Шаловливо ветер обдувал.
Но я помню,
как стесняясь света,
В строках ветер
рощу обнимал.

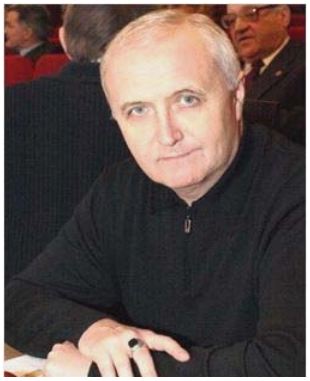
В сарафанах
стройные березки
Распустили косы на ветру.
И звенели модные сережки,
Мелодично кланяясь ему.

У плетня заросшая крапива,
У дороги раннего стиха,
Зазывала радостно, игриво,
Жгучею наивностью лиха.

* * *

«В этом мире он только прохожий»,
Но остался негаснущий свет,
Да мурашки восторга по коже.
И осеннего солнца привет.

Он ушел в мир иной, без возврата.
Унося с собой радость и грусть.
Но запомнился фразой крылатой —
И любовью к тебе, моя Русь!



Владимир Сапожников
(г. Тула)

ЕСЕНИНСКИЕ МОТИВЫ

* * *

Я так люблю снег,
Падает без помех,
И над землей кружит,
Душу мою снежит...
Чистая благодать!
Все неудачи — вспять!
Падай, лети, ложись...
Это и есть жизнь!

НАСТРОЕНИЕ

Вновь пробуждение души...
Скажите, что это такое?
И небо — звездное, немое —
Уперлось взглядом — не дыши!
Деревья гнутые стоят,
Мелькнет снежинка на мгновенье,
И распростерлась лунной тенью
Моя душа, как зимний сад.
Она ветвится по земле,
То коротка и быстротечна,
То так длинна и бесконечна,
Как память прошлого во мне,
Она не слышна, словно звук
Всех чувств, нахлынувших нежданно...
И ночь обманчива, желанна,
Как продолженье чьих-то рук.

БАБЬЕ ЛЕТО

Небо сине на рассвете,
Вечер сливками пропах,
Бабье лето, бабье лето
Узнаю в твоих глазах.
И туманом застоялся

Чистый воздух над рекой,
Как с тобою повстречался,
Потерял с тех пор покой.
Убежать — куда не знаю,
Позабыть бы — не смогу
Бабье лето, это лето
На соседнем берегу.
Не сверну с своей тропинки
И к тебе не подойду.
Только это наше лето
Где-то в сердце сберегу.

ВЕТЕР

Долго тянется ночь бесконечная эта,
Ветер в окна стучит, бесшабашный и злой.
Может, грезятся сны промелькнувшего лета,
Может быть, просто ветер не любит покой.
Просто ветер живет. Может, ветру не спится,
Не уляжется он на перине ночной.
А, быть может, луна — хороша, бледнолица,
Вдруг узнала о жизни его холостой.
Но она далеко, в небе темном плутает,
И ее не обнять даже ветру рукой...
По себе, может, ветер поминки справляет,
И поэтому нынче он пьяный такой.
И шатается он меж домами без толку,
Но не треснет стекло этих окон слепых,
Что-то шепчет себе все под нос без умолку,
И ругает судьбу, что не поняла их.
Ночь всю будет бродить и к утру лишь устанет,
Обессилев совсем, где-нибудь прикорнет...
Ну, а завтра он снова куражиться станет,
Хриплым голосом грустную песню споет...
Что-то ветер притих, зацепился за что-то,
Как упал на колени перед бледной луной,
Может, ветер погиб в сумасшедшем полете,
Не сумев совладеть с безудержной тоской?
Горько плачет луна, звезды в небе застыли.
Словно слезы из глаз, что пролила она...
Этой ночью на улице ветер убили,
И поэтому мне вот сейчас не до сна.

СОН

Застыла память, как слеза.
Все в прошлом: счастье и тревога.
Твои печальные глаза
Мне рассказали очень много.
О том, что было и ушло,

Что не случилось, не запело...
И эта тонкая ладонь
Меня коснулась вновь несмело.
И аромат любимых губ,
И бархат кожи... Как когда-то
Ты прошептала: «Милый, люб...»,
И улыбнулась виновато.

В. М.

В колодец легче плюнуть, чем напиться,
Неблагодарность — бездарей черта.
Противно даже рядом находиться,
Где восседает важно... пустота.

Владимир Корнилов
(г. Братск)

ПЕВЕЦ ТРАГИЧЕСКИЙ И НЕЖНЫЙ
Сергей Александрович Есенин (1895 — 1925)

Постоянный автор «Приокских зорь». Член Союза писателей России.

Литературное повествование, посвященное 120-летию со дня рождения Великого Русского Поэта Сергея Есенина, с использованием литературно текстовых иллюстраций из статей известных русских писателей...

Свое повествование мне хочется начать не с громкого пафосного выступления, а с доверительных интонаций, которые бы соответствовали исповедальному творчеству поэта. И потому начнем его с автобиографии, написанной самим Сергеем Есениным.

«Родился в 1895 году, 4 октября, в Рязанской губернии, Рязанского уезда, Кузьминской волости, в селе Константиново.

Отец мой крестьянин Александр Никитич Есенин, мать Татьяна Федоровна.

С двух лет я был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери (Федору Андреевичу Титову), жившему в другой части села.

Первые мои воспоминания относятся к тому времени, когда мне было три-четыре года.

Помню лес, большая канавистая дорога. Бабушка идет в Радовецкий монастырь, который от нас верстах в 40. Я, ухватившись за ее палку, еле волочу от усталости ноги, а бабушка приговаривает: «Иди, иди, ягодка, бог счастье даст».

Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколе и о женихе, светлом госте из града неведомого. Позже я написал об этом:

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древними
Поклонялись пречистому спасу.

А пока в ту пору нянька — старуха приживальщица, которая ухаживала за мной, рассказывала мне сказки, все те сказки, которые слушают и знают все крестьянские дети.

Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и Священную историю.

У деда было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло почти все

мое детство. Дядья мои были ребята озорные и отчаянные. Трех с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку. Потом меня учили плавать. Один дядя (дядя Саша) брал меня в лодку, отъезжал от берега, снимал с меня белье и, как щенка, бросал в воду. Я неумело и испуганно плескал руками, и, пока не захлебывался, он все кричал: «Эх! Стерва! Ну куда ты годишься?..» «Стерва» у него было слово ласкательное. После, лет восьми, другому дяде я часто заменял охотничью собаку, плавал по озерам за подстреленными утками. Очень хорошо лазил по деревьям. Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах. За озорство меня всегда ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «Ты у меня, дура, его не трожь, он так будет крепче!» Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ. По субботам меня мыли, стригли ногти и гарным маслом гофрили голову, потому что ни один гребень не брал кудрявых волос. Но и масло мало помогало. Всегда я орал благим матом и даже теперь какое-то неприятное чувство имею к субботе.

Уличная же моя жизнь была непохожа на домашнюю. Сверстники были ребята озорные. С ними я лазил вместе по чужим огородам. Убегал дня на 2—3 в луга и питался вместе с пастухами рыбой, которую мы ловили в маленьких озерах... Часто ездил с дядькой на Оку поить лошадей. Ночью луна при тихой погоде стоит стоймя в воде. Когда лошади пили, мне казалось, что они вот-вот выпьют луну, и радовался, когда она вместе с кругами отплывала от их ртов...». *(Сергей Есенин. Т. 5, М. 1968).*

Когда пришла пора учиться, Сергея Есенина определили в Константиновскую земскую школу. «Там этот желтоволосый, голубоглазый мальчик, неусидчивый до школьных занятий, баловался, дрался с мальчишками и слагал первые стихи, навеянные самой природой, окружающим бытом, первыми переживаниями детства, любовью бабки и деда, не чаявших души во внуке.

Ждут на крылечке там бабка и дед
Резвого внука подсолнечных лет...

Уже тогда вырезалась в его душе «божья дудка». Но учитель Власов, узнав о пристрастии своего воспитанника, отрезал: «Ты, Сережа, учись. А сочинять всякие глупости — это не твое дело. Рано еще тебе...» «Да и любимый дед говаривал»:

Года далекие, теперь вы как в тумане.
И помню, дед мне с грустью говорил:
Пустое дело... Ну, а если тянет —
Пиши про рожь, но больше про кобыл.

«Мать Сергея Есенина Татьяна Федоровна выросла в крестьянской семье: братья ее были ухватистыми — ничего из рук не выпадет — умелыми мужиками; отец (дед Сергея) слыл знаменитым лошадником, у которого водились лучшие кони в селе и отменная дивная упряжь.

Со своим мужем, который то пропадал в Москве, то потом скучал в деревне, Татьяна Федоровна жила, как поминают, в полуразводе,— такой муж,— у коего руки не из плеч растут, а мысли витают в печальной дали,— раздражал ее. А уж дом и семья только и держались на материнском горбу. Хотя, опять же, судьбу своим чадушкам выбирала и ладила не мать, а отец, и на свой «*московский*» лад, и, может быть, даже поперек ее материной воли...

Отбившись от пашни еще до революции отец Сергея Есенина ушел из Констан-

тинова в стольный град Москву, где изловчился и прибился к купцу Крылову приказчиком. Но если константиновские мужики уходили из деревни в отхожий промысел, чтобы приработать деньжат и, вернувшись к родному подворью, купить лошадь, коровенку, инвентарь, леса на новую избу, то Александр Никитич напрочь отвернулся от земли, от хозяйства, стал «москвичом».

(Анатолий Байбородин «Душа грустит о небесах»).

Когда Сергею Есенину сравнялось 12 лет, его отдали учиться из сельской земской школы в Спас-Клепиковскую учительскую школу. Родные хотели, чтобы он стал сельским учителем...

По воспоминаниям современников, талант к стихотворству не только не помогал ему утвердиться среди сверстников, но, скорее вызывал обратную реакцию, доходившую до драк. Но зато там юный Есенин понял — за свою мечту надо бороться, даже кулаками. А мечта была уже не столько романтическая забава, сколько задача, поставленная целеустремленным молодым человеком «С ухватистою силою».

«Недаром Федор Достоевский еще в 1871 году, размышляя о литературе девятнадцатого века, в письме к Николаю Страхову напишет:

«А знаете — ведь это все помещичья литература. Она сказала все, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого),— но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье еще не было... Когда народ, как он твердо станет, он проявит своего Пушкина...»

И народ явил своего Пушкина,— в рязанском селе родился поэт Сергей Есенин...

Недаром мать Россия вынашивала деревенского поэта Сергея Есенина весь золотой век поэзии, потом выпаивала из ключей устного песенного слова». *(А. Байбородин).*

В 17 лет Есенин уезжает в Москву, где становится конторщиком у отцовского благодетеля, купца Крылова. Затем устраивается подчитчиком в Сытинской типографии, принимает участие в литературно-музыкальном кружке И.Сурикова.

«В это время,— вспоминает Есенин,— у меня была написана уже книга стихов «Радуница». Я послал из них некоторые в петербургские журналы и, не получив ответа, поехал туда сам. Там меня приняли радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий... Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта».

«Стихи свежие, чистые, голосистые, многословные»,— так отозвался Блок после их первой встречи.

На квартире Городецкого собирались почти все поэты. Городецкий свел Сергея Есенина с Клюевым, о котором он раньше не слыхал ни слова. С Клюевым у них завязалась большая дружба. Есенин называл его своим учителем.

В 1913 году Сергей Есенин поступил вольнослушателем в Университет Шанявского. Пробыв там 1,5 года, должен был уехать обратно по материальным обстоятельствам в деревню.

В первую пору его пребывания в Петербурге ему часто приходилось встречаться с Блоком, с Ивановым-Разумником. Позднее с Андреем Белым... О нем заговорили и начали печатать чуть ли не нарасхват.

Максим Горький писал Ромену Роллану о Есенине тех лет: «...Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить чрезмерно и неискренне, как умеют хвалить лицемеры и завистники. Ему тогда было 18 лет, а в 20 он уже носил на кудрях своих модный котелок и стал похож на приказчика из кондитерской». (Дмитрий Дарин. «Российский писатель», № 12, июнь 2005).

Революцию 1917 года встретил Сергей Есенин восторженно. Правда, на первых

порах революционная тема решалась Есениным своеобразно. Новый мир предстает в его стихах еще либо в виде утопических картин мужицкого рая на земле, либо в виде романтического «града Инонии», где живет «божество живых» и господствует «революционная» вера.

Все больше захватывает Сергея Есенина «вихревое» начало, вселенский размах революционных событий. С восторгом он пишет:

Небо, как колокол,
Месяц — язык,
Мать моя — родина,
Я — большевик.

Дыхание революционной грозы коснулось и лирических стихотворений Есенина, полных любви к Родине и тончайшего проникновения в мир русской природы. Иллюстрацией тому служит стихотворение:

Я по первому снегу бреду,
В сердце ландыши вспыхнувших сил.
Вечер синею свечкой звезду
Над дорогой моей засветил.
Я не знаю, то свет или мрак?
В чаще ветер поет иль петух?
Может, вместо зимы на полях
Это лебеди сели на луг...
Хороша ты, о белая гладь!
Греет кровь мою легкий мороз!
Так и хочется к телу прижать
Обнаженные груди берез...

Радость обновления родной земли захватила поэта. Казалось, еще немного усилий, и извечная мечта русского пахаря о «золотом веке» станет явью. Но жизнь революционной Руси разворачивалась все круче: полыхал огонь гражданской войны, терзали страну интервенты; разруха и голод делали свое черное дело.

Тогда-то и рухнули утопические мечты поэта о «Граде Инонии...». Какая кровоточащая боль и неуемная скорбь выльется у Есенина в это время в стихах о невозвратной, исторически обреченной на гибель, старой деревни,— и вместе с тем какая трагедийная, обжигающая душу поэта тревога за будущее России зазвучит в его новых произведениях!

Видели ли вы, как бежит по степям,
В туманах озерных кроясь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?
А за ним по большой траве,
Как на празднике отчаянных гонок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?
Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых коней
Победила стальная конница?

Ход времени, ход истории неумолим. Поэт это чувствует. «Конь стальной победил коня живого,— с тревогой и грустью замечает он,— сумеют ли люди будущего сохранить красоту природы?» ... Поэт стремится познать смысл происходящего:

О, если б прорасти глазами,
Как эти листья в глубину.

«В годы революции идейное и художественное развитие поэта сдерживалось еще и чужеродными влияниями на его творчество, особенно начиная с 1919 года, литературной группы имажинистов с их вычурной поэтикой.

Сближаясь с имажинистами, Есенин поначалу считал, что его эстетические принципы близки к их творческим устремлениям. На самом же деле формалистические изыски имажинистов были глубоко чужды есенинской поэзии.

Уже в 1921 году Есенин говорил о них: «Собратьям моим кажется, что искусство существует только как искусство. Вне всяких влияний жизни и ее уклада... У собратьев моих нет чувства родины во всем широком смысле этого слова, поэтому у них так и несогласованно все».

Есенин все больше пытается понять, осмыслить философски все, что происходит в эти годы в России, во всем мире. Расширяются горизонты и масштабы его поэзии.

Так появляется есенинский «Пугачев». Задумав свою пьесу как лирическую драму, Сергей Есенин не дает в ней эпических картин народного восстания. Однако народность драмы — в художественном раскрытии автором социальных причин восстания всего стонущего крепостного населения трудовой России и казачества против самодержавия и «чиновничьей неволи».

Максим Горький, которому Есенин читал «Пугачева» во время встречи в Берлине, вспоминал позднее: «Взволновал он меня до спазмы в горле, рыдать хотелось». (Юрий Прокушев. «О Сергее Есенине». Сергей Есенин. Собрание сочинений в трех томах. Том 1. М. 1970).

Вспоминая свое раннее творчество, Есенин говорит: «Стихи писать я начал лет с 9, читать выучили в 5. Сознательное творчество отношу к 16-17 годам.

Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки. Период учебы не оставил на мне никаких следов, кроме крепкого знания церковнославянского языка».

Первыми книгами поэта были Священное Писание, «Жития святых...» и духовные стихи. Потом уже появились былины, сказы и сказки. Среди его любимых произведений, по воспоминаниям родных, были «Слово о полку Игореве», «Поэтические воззрения славян на природу» Александра Афанасьева, и, конечно, русская классическая проза и поэзия, опять же близкая к народной жизни, в духе Гоголя, Лескова, раннего Толстова, Кольцова... *(А. Байбородин).*

Многого достиг Сергей Есенин самоуком. «Из поэтов больше всего мне нравился Лермонтов и Кольцов.— рассказывает Есенин.— Позднее я перешел к Пушкину».

«Ранний и яркий, певучий талант Есенина — все это от *золотой* избы, полей и перелесков, от алых зорь, пылающих закатов, от пения и говора народного, которые по тем летам были еще щедры и величавы...». *(Ю. Прокушев).*

В пятнадцать лет Есенин сочинит удивительное по красоте и напевности стихотворение, которое станет одной из любимых песен нашего народа:

Выткался на озере алый свет зари.
На бору со звонами плачут глухари.
Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло.
Только мне не плачется — на душе светло.

Мир народно-поэтических образов окружал его с первых дней жизни:

Родился я с песнями в травном одеяле,
Зори меня вешние в радугу свивали.
Вырос я до зрелости, внук купальской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Вся красота родного края с годами отразилась в стихах Есенина, полных любви к русской земле:

О Русь — малиновое поле
И синь, упавшая в реку,—
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

«В сердце Есенина с юных лет запала Россия, ее грустные и раздольные песни, светлая печаль и молодецкая удаль, церковный благовест и сельская тишина, веселый девичий смех и горе матерей, потерявших сыновей на войне.

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все стороны,
Машет саваном пена с озер...
Повестили под окнами сотские.
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Такие пронзительные строки могут родиться только в сердце художника, неразрывно связанного с судьбой народа, для которого война — непоправимое человеческое горе». (Ю. Прокушев).

Суров, печален и правдив рассказ поэта о Родине в годину военных невзгод. С щемящей болью вглядываемся мы, читая стихи Есенина тех лет, в грустные картины деревенской жизни во время войны. Опустели села. Осиротели избы. Изредка нежданно-негаданно приходили в деревню солдатские весточки:

Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.

Всей душой, всем сердцем поэт со своим народом, со своей многострадальной Родиной — и в короткие радостные мгновения и в долгие годы горя и печали.

Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.
. . . . . .
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

О многом заставляет нас и сегодня задуматься, многое пережить заново рассказ поэта о страданьях и ожиданьях седых матерей в годы лихолетий на русской земле.

«...Как отраду своей измученной душе, Сергей Есенин любил свою мать и посвящал ей самые чистые, самые нежные и трогательные по своей грусти стихи:

Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей избушкой
Тот вечерний несказанный свет.

В минуты мрачной душевной смуты или отчаяния поэт часто обращается к образу матери, и его душа всегда освещается этим несказанным светом материнской любви.

«Была в жизни Есенина и большая юношеская любовь. Чистая, светлая и, кажется, безответная... С неистовой страстью юного человека он полюбил Лидию Кашину, молодую дворянку. Как вспоминает сестра поэта Екатерина Александровна, поместье Кашиной — дом с мезонином — находилось за церковью, на склоне горы. Лидия Ивановна заворожила Есенина не только обаянием, красотой, но и умом, высокой образованностью — она знала несколько иностранных языков, что не могло не вызывать восхищения у деревенского юноши.

Много лет спустя, по волшебству поэтического вымысла, она будет названа Анной Снегиной в одноименной поэме.

Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие милые были!
Тот образ во мне не угас.
Мы все в эти годы любили,
Но, значит, любили и нас.

(Иван Жуков. «Штрихи к портрету Есенина». Москва кабацкая. М. 1995).

...В 1917 году Сергей Есенин женится на Зинаиде Райх. Но брак не был счастливым и продолжительным для поэта. От этого брака у них родятся двое замечательных детей Константин и Татьяна, которые примут фамилию именитого отца.

«В 1918 году я с ней расстался,— рассказывает Есенин,— и после этого началась моя скитальческая жизнь, как и всех россиян за период 1918 — 1921 гг.». Об этом его прекрасное стихотворение в авторском исполнении (звучит голос Есенина):

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть...
Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге...

За годы скитаний поэт побывал в Туркестане, на Кавказе, в Персии, в Крыму, в Бессарабии, в Оренбургских степях, на Мурманском побережье, в Архангельске и Соловках. Во время этих странствий Сергей Есенин много наблюдал за происходя-

щими в стране событиями, изучал быт и культуру народов, населяющих многонациональную Советскую Россию, писал стихи и поэмы. Об этом немало написано интересных исследовательских работ и статей, связанных с творчеством поэта в тот период.

Но мне бы хотелось остановиться на одном очень важном этапе жизни Сергея Есенина,— мало известном широкому кругу читателей,— оставившим неизгладимый след в судьбе поэта. Это женитьба в 1921 году на американской танцовщице Айседоре Дункан. Для этого приведу несколько ярких эпизодов их совместной жизни, почерпнутых мной из воспоминаний Ильи Шнейдера.

В своей книге «Встречи с Есениным» он рассказывает: «Летом 1921 года знаменитая американская танцовщица Айседора Дункан по приглашению Советского правительства приехала в Москву, чтобы отдать свой опыт и навыки русским детям. Сразу же после приезда Дункан нарком просвещения Анатолий Васильевич Луначарский направил меня для работы с нею... Благодаря Дункан я познакомился с одним из замечательных русских поэтов-лириков Сергеем Есениным.

Я прожил с Айседорой Дункан и Сергеем Есениным в Москве под одной кровлей почти три года, немного путешествовал с ними, сопровождал Дункан в гастрольных поездках, писал либретто для ее новых постановок...

— Все последние годы,— говорила Айседора,— мои мысли были в России, и душа моя была здесь. Приехав сюда, я чувствую, что иду тем путем, который ведет в царство всеобщей любви, гармонии, товарищества, братства... Я презираю богатство, лицемерие и те глупые правила и условности, в которых мне приходилось жить. Я хочу учить ваших детей и создавать прекрасные тела с гармонически развитыми душами...».

«Однажды,— продолжает воспоминания Илья Шнейдер,— меня остановил прямо на улице известный московский театральный художник Георгий Богданович Якулов.

— У меня в студии сегодня небольшой вечер,— сказал Якулов,— приезжайте обязательно. И, если возможно, привезите Дункан. Было бы любопытно ввести ее в круг московских художников и поэтов...

Появление Дункан вызвало мгновенно паузу, а потом — начался невообразимый шум. Явственно слышались только возгласы: «Дункан!»

...Немного спустя мы с Якуловым подошли к Айседоре. Она полулежала на софе. Есенин стоял возле нее на коленях, она гладила его по волосам, скандируя:

— За-ла-тая га-ла-ва...

Трудно было поверить, что это первая их встреча. Казалось, они знают друг друга давным-давно, так непосредственно вели они себя в тот вечер... Они «проговорили» весь вечер на разных языках, буквально (Есенин не владел ни одним из иностранных языков), но, кажется, вполне понимали друг друга...

Как-то в разговоре он сказал мне, что, «...кроме русского, никакого другого не признаю и держу себя так, что ежели кому-нибудь любопытно со мной говорить, то пусть учится по-русски».

Русский язык Есенин любил страстно, знал многие говоры и наречия, знал и древнеславянский..., которые хотя и исчезли из грамматики, но остались жить в литературном языке, и в разговорном».

(И. Шнейдер).

«Как-то, находясь в комнате Дункан,— далее вспоминает Шнейдер,— мы решили с Сергеем подшутить над ней, нанеся кусочком мыла на высоком, от пола до потолка, узком зеркале пучок расходившихся линий, которые создавали иллюзию разбитого трюмо. ...Однажды Айседора взяла его и неожиданно для них написала на

зеркале по-русски, печатными буквами: «Я лублу Есенин», «А я нет»,— написал Есенин.

Айседора отвернулась, печальная... Она не стирала эти надписи, и они еще долго беззвучно признавались, отвергали и пророчили... И лишь накануне отъезда в Берлин Есенин стер их и написал: «Я люблю Айседору».

«Как-то Есенин после одного из спектаклей Айседоры, дожидаясь ее, рассказал мне интересный эпизод из своей прошлой службы. В 1916 году Есенина направили служить в «санитарный поезд императрицы Александры Федоровны», с этим поездом Есенин и побывал на фронте. Летом его положили в госпиталь — на операцию аппендицита, а затем, признав не годным к строевой службе, назначили писарем при «Федоровском государевом соборе» в Царском селе. Тут и произошло его знакомство со штаб-офицером для поручений при дворцовом коменданте Д. Н. Ломаном. Ломан и организовал чтения перед членами царской фамилии.

Однажды, когда госпиталь в очередной раз должны были посетить дочери царя, Ломан потребовал, чтобы Есенин срочно написал оду в честь этого посещения. Под угрозой отправки в дисциплинарный батальон Есенин написал стихотворение. Но в нем говорилось не о посещении госпиталя царевнами, а о страданиях солдата, умирающего в госпитале от ран». *(И. Шнейдер).*

После женитьбы на Дункан Есенин с Айседорой примерно через год уехали в Америку, предварительно исколесив всю Европу, кроме Испании. «12 мая 1922 года Дункан и Есенин прибыли в Берлин. В отеле «Адлон», где Айседора всегда останавливалась, ее уже ждали журналисты. Приезд Айседоры из «большевистской Москвы», да еще в сопровождении какого-то известного русского поэта, ставшего ее мужем,— это была сенсация...

В те дни в Берлине были Горький и Алексей Толстой. Толстой пригласил Дункан и Есенина на обед. На обеде был и Горький.

Дункан знала Алексея Толстого раньше... Горького Айседора видела впервые в жизни. Она была взволнована этой встречей, счастлива за Есенина, сидящего за одним столом с Горьким и Толстым...

Поэта Есенина в Европе и за океаном воспринимали лишь как мужа танцовщицы Айседоры Дункан,— по впечатлению Горького, увидевшего в ней при встрече в Берлине не только большого художника и реформатора искусства танца, каковыми она слыла, а сумасбродную, стареющую, но молодящуюся танцовщицу, имевшую к тому времени мировую славу». *(И. Шнейдер).*

«При всей суматошности своего характера и ненасытной чувственности, Дункан, по воспоминаниям знавших ее, имела душу светлую и добрую. Она, годная поэту чуть ли не в матери, вянущая женщина,— любила Есенина неистовой, закатной любовью; и она любила его не только за нежную красу и стать и не только за талант,— она любила его и матерински, видя в Есенине как бы своего погибшего сына. Она женским и материнским сердцем чуяла и его поэзию, и его большую душу». *(А. Байбородин).*

Посетив Америку, Есенин не только оглядит ее, но и осмыслит ее и опишет в статье «Железный Миргород». Поэта поразил резкий контраст между индустриальной мощью, зрелостью технической мысли, размахом строительства в стране и бедностью духовной культуры Америки, инертностью мысли среднего американца, его мещанским представлением о счастье в духе героев гоголевского Миргорода.

«Сила железобетона, громада зданий,— отмечает Есенин в своей статье,— стеснили мозг американца и сузили его зрение... Тот, кто знает Америку по Нью-Йорку и Чикаго, тот знает только праздничную или, так сказать, выставочную Америку... Сами американцы — народ весьма примитивный со стороны внутренней культуры.

Владычество доллара съело в них все стремления к каким-либо сложным вопросам. Американец всецело погружается в бизнес и остального знать не желает.

Искусство Америки на самой низшей степени развития...

— Слушайте,— говорил мне один американец, я знаю Европу. Не спорьте со мною. Я изъездил Италию и Грецию. Я видел Парфенон. Но это все для меня не ново. Знаете ли вы, что в штате Теннеси у нас есть Парфенон гораздо новей и лучше?..

От таких слов и смеяться и плакать хочется. Эти слова замечательно характеризуют Америку во всем, что составляет ее культуру внутреннюю...

Там до сих пор остается неразрешенным вопрос: нравственно или безнравственно поставить памятник Эдгару По... *(Сергей Есенин. «Железный Миргород». М. «Известия». 1923).*

...В заключение рассказа о Сергее Есенине и Айседоре Дункан хочу остановиться на их взаимоотношениях после возвращения из-за границы.

«Радостные и оживленные вернулись Дункан и Есенин в Москву, на Пречистинку, где находилась квартира Айседоры,— вспоминает Шнейдер.— Казалось, ничто не предвещало бурю. Но случилось так, что через несколько дней между Есениным и Дункан произошла размолвка. Есенин исчез...

Айседора была обижена на Есенина. Но по возвращении Сергея на Пречистинку между ними произошло трогательное примирение. И было решено, что Есенин поедет в Кисловодск, куда с гастролями собиралась и Дункан.

После отъезда Айседоры на следующий день Есенин прибежал в возбужденном состоянии:

— Ехать не могу! Остаюсь в Москве!.. Меня вызвали в Кремль, дают деньги на издание журнала!

Начавшиеся гастроли в Минеральных Водах и на Кавказе не отвлекли грустных мыслей Айседоры о неизбежном конце их отношений...

В октябре мы находились в Ялте,— продолжает рассказывать Шнейдер.— Как-то с Айседорой мы возвращались в гостиницу, и в холле портье подал мне две телеграммы. Одна была адресована Дункан:

«Писем и телеграмм Есенину больше не шлите. Он со мной. К вам не вернется никогда. Галина Бениславская».

Айседору известие поразило, хотя она и сделала вид, будто не приняла всерьез... Я телеграфировал в Москву и просил выяснить, известно ли Сергею содержание неожиданной телеграммы... Вскоре Айседора протянула мне составленную для Сергея Есенина телеграмму:

«Москва. Есенину. Петровка. Богословский. Дом Бахрушина.

Получила телеграмму должно быть твоей прислуги Бениславской пишет чтобы письма телеграммы на Богословский больше не посылать разве переменил адрес прошу объяснить телеграммой очень люблю Изадора».

Ответ мы не получили, т.к. на другой же день, 12 октября, выехали в Москву...

Много лет спустя я узнал.., что Есенин все же ответил на телеграмму Айседоры.

«Я говорил еще в Париже, что в России уйду, ты меня озлобила, люблю тебя, но жить с тобой не буду, сейчас я женат и счастлив, тебе желаю того же. Есенин».

Бениславская в своем дневнике писала, что Есенин дал ей прочитать эту телеграмму. Она заметила, что «если кончать, то лучше не упоминать о любви...». *(И. Шнейдер).*

Так печально закончился очень бурный любовный роман между известным русским поэтом Сергеем Есениным и знаменитой американской танцовщицей Айседорой Дункан.

Что касается Галины Бениславской, связавшей нераздельно свою судьбу с судь-

бой Сергея Есенина, то, по воспоминаниям И. Шнейдера: «Эта девушка, умная и глубокая, любила Есенина преданно и беззаветно. Есенин отвечал ей большим дружеским чувством.

Есенин встретился с Бениславской еще до знакомства с Дункан, но никогда не говорил нам о ней. Она же молча пережила и его брак с Айседорой Дункан, и отъезд за границу. Когда Дункан уехала на Кавказ, Есенин поселился у нее, в Брюсовском переулке, и даже перевез туда своих сестер Катю и Шуру.

В последние годы жизни Есенина Бениславская целиком посвятила себя издательским делам Есенина.

Сохранилась их большая переписка. Приведу выдержку одного из писем Есенина к Бениславской.

«Галя, милая! Повторяю Вам, что Вы очень и очень мне дороги. Да и сами Вы знаете, что без Вашего участия в моей судьбе было бы очень много плачевного...».

Поэт делился с Бениславской творческими планами, посвящал ее в радостные и грустные события своей жизни до самых последний дней...». *(И. Шнейдер).*

Галина Бениславская через год после смерти поэта — 3 декабря 1926 года — окончила жизнь самоубийством на могиле Есенина и завещала похоронить ее рядом с ним».

...«В ночь с 27 на 28 декабря в гостинице «Англетер» Сергей Есенин оборвал свою жизнь»,— как пишут многие биографы поэта. Но есть много неопровержимых фактов, которые доказывают, что смерть его была насильственной...

«За день до своего трагического конца Есенин написал стихи «До свиданья, друг мой, до свиданья...» и дал их знакомому ленинградскому поэту Вольфу Эрлиху, который зашел к нему в номер. Тот хотел их здесь же прочитать, но Есенин остановил его: «Нет, ты подожди! Останешься один — прочитаешь. Не к спеху ведь». Вольф вспомнил о них только на следующий день, после смерти Сергея». *(Матвей Ройзман. Все, что помню о Есенине. М., 1973).*

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.
До свиданья, друг мой, без руки, без слова.
Не грусти и не печаль бровей,—
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

«29 декабря 1925 года Всероссийский Союз писателей известил в газетах «С глубокой скорбью о трагической кончине в Ленинграде Сергея Есенина... Встреча тела покойного состоится 30 декабря в два с половиной часа дня на Октябрьском вокзале (в Москве), откуда тело будет перенесено в Дом Печати (Никитский бульвар, 8)... Желающие могут проститься с покойным... Вынос тела на Ваганьковское кладбище состоится 31 декабря, в 11 часов утра... Путь процессии будет следующий: Дом Печати, Дом Герцена, памятник Пушкина, Ваганьковское кладбище». 31 декабря, под Новый год, Есенина хоронили». *(И. Жуков).*

...За последние годы жизни Сергея Есенина талант поэта раскрылся особенно полно и многогранно...

«Величие есенинской поэзии не только в ее гениальности, с точки зрения народности и художественности, а в том, что он, как никто иной в двадцатом веке, так ярко и мощно показал русскую душу в ее божественных взлетах и хмельных, отчаянных

падениях в смердящую пропасть духа, в ее омерзительных грехах и сотрясающих душу раскаяньях.

Самые пронзительные стихи Есенина — уже позднего, смертельно уставшего — душераздирающий стон по своей душе, а значит и по душе русской, теряющей божественный свет; это значит и плач по крестьянской жизни». *(А. Байбородин).*

Одним из самых трогательных по своей исповедальности произведений этого периода является стихотворение:

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник.
Об ушедшем над прудом
Пусть тоскует конопляник...
Высоко стоит луна,
Даже шапки не докинуть.
Песне тайна не дана,
Где ей жить и где погибнуть.
Но на склоне наших лет
В отчий дом ведут дороги.
Повезут глухие дроги
Полутруп, полускелет.
Ведь недаром с давних пор
Поговорка есть в народе:
Даже пес в хозяйский двор
Издыхать всегда приходит.
Ворочусь я в отчий дом —
Жил и не жил бедный странник...
В синий вечер над прудом
Прослезится конопляник.

Конечно, в небольшой статье-повествовании невозможно рассказать подробно и цельно о творчестве и о трагической судьбе такого Великого Русского Поэта, как Сергей Есенин. Да я и не стремился изложить в ней поэтапно все факты биографии поэта, связанные с периодами становления его таланта, как это делали традиционно многие исследователи и биографы Есенина. Я сознательно выпустил в ней размышления о стихотворениях таких потрясающих циклов, как «Русь Советская», «Москва кабацкая», «Персидские мотивы» и др., не менее важные циклы и поэмы, о которых довольно много написано и поэтому эти материалы не открывают читателю какую-либо новую страницу в творческой биографии поэта. Не сподобился я перечислять и все брачные узы Есенина и давать им свою субъективную оценку.

В данном материале хотелось показать наиболее запомнившиеся мне моменты из жизни Сергея Есенина, почерпнутые мной из уникальных источников (упомянутых выше), раскрывающие глубину и красоту русской души на отдельных наиболее ярких этапах жизни поэта, лиризм и драматизм его отношений с одной из наиболее знаменитых женщин двадцатого столетия, Айседорой Дункан.

...Не менее трагичной была и судьба самой Айседоры... В одной из автомобильных катастроф Парижа, где жила Дункан со своей семьей, погибли ее маленькие дети — дочь Дердри и сын Патрик. 15 сентября 1927 года погибает в автокатастрофе и Айседора Дункан.

«...В тот сентябрьский вечер,— вспоминает Илья Шнейдер,— Айседора спустилась на улицу, где ее ожидала маленькая гоночная машина, шутила, и, закинув за

плечо конец красной шали с распластавшейся желтой птицей, прощально махнула рукой и, улыбаясь, произнесла последние в своей жизни слова: «Прощайте, мои друзья! Я иду к славе».

Несколько десятков секунд, несколько поворотов колес, несколько метров асфальта... Красная шаль с распластавшейся птицей и голубыми китайскими астрами спустилась с плеча Айседоры, скользнула за борт машины, тихонько лизнула сухую вращающуюся резину колеса. И вдруг, вмотавшись в колесо, грубо рванула Айседору за горло. И остановилась только вместе с мотором.

Прибывший врач сказал: «Сделать ничего нельзя. Она была убита мгновенно». *(И. Шнейдер).*

...Так трагически печально закончили свой жизненный путь два гениальных таланта, два незабываемых во времени великих человека, которые своим горним светом еще долго будут освещать творческие судьбы будущих поколений.

...К вершинам поэзии Есенин поднялся из глубин народной жизни,— поэтому такое огромное и незабываемое влияние его на современников и поэтов более позднего периода, вплоть до наших дней.